

Секция V.

Грамматика русского текста

Актуальные проблемы лингвистики текста в российской казахстанской русистике

Ж. Г. Амирова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Казахстан)

amirova2006@mail.ru

Текст, дискурс, функциональный стиль, дискурсивная личность

Summary. The subject of this paper is extensive studies in the area of text linguistics and specific of those studies in contemporary Russian and Kazakhstan philology.

1. В соответствии с традицией, сложившейся в российской русистике, исследование текста ведется в рамках целостной науки — лингвистики текста (ЛТ), предполагающей синтезированное описание гетерогенных текстовых явлений, относящихся по своей природе к разным уровням языковой системы. Отличительной чертой исследований текста в русистике является особое внимание к так называемому «сверхфразовому» уровню текста, в результате которого в уже 60-е и 70-е годы XX в. создается учение о «сложном синтаксическом целом». В русистике эти исследования с момента возникновения ЛТ были тесно связаны с проблемами изучения *функционального стиля* речи, поскольку любой функциональный стиль предполагает особый вид текстов со своей лексической системой и особенностями грамматики, что во многом подготовило современные исследования в области дискурса.

2. Начиная с 1980-х годов развитие ЛТ тесно связано с развитием теории дискурса. В современных исследованиях функциональный стиль предстает как система правил и закономерностей, обусловленная функциями, выполняемыми языком в обществе, и спецификой сферы общения, система непосредственно данная для наблюдения в текстах. Дискурс же, который также существует, прежде всего, в текстах, — это сложная система элементов, в которую входят «излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не-события» [4: 7]. Изменения в соотношении понятий «функциональный стиль» и «дискурс» наложили свой отпечаток на исследования текста, выдвинув на первый план проблемы порождения и восприятия текста. Активную разработку проблем лингвистики текста на материале русского, английского, немецкого и др. языков в 1970-е, 1980-е, 1990-е и 2000-е годы ведут Т. М. Николаева, С. И. Гиндин, И. Р. Гальперин, В. Г. Гак, Б. М. Гаспаров, Г. А. Вейхман, А. А. Залевская, О. И. Москальская, О. Л. Каменская, З. Я. Тураева, Е. А. Реферовская, И. И. Ковтунова, М. В. Ляпон, В. В. Ринберг и др. известные российские исследователи.

4. Исследование текста и дискурса в казахстанской лингвистике ведется в основном на материале русского языка, т. е. в рамках казахстанской русистики — одного из ведущих направлений филологических исследований в Республике Казахстан. Среди казахстанских исследований в области ЛТ и дискурса можно условно выделить ряд направлений: лингвостилистическое; коммуникативно-деятельностное и диахроническое.

5. В работах первого направления текст рассматривается как ядерный конституент системы человеческой коммуникации, сложнейшая макроструктура, в которой заключена «одновременно и лингвистическая, и логическая, и психологическая и философская, и социологическая, и искусствоведческая реальность, манифестирующая (эксплицитно и имплицитно) категориальные признаки и свойства самых различных антропологических отраслей знания» [2: 129]. Особое внимание уделяется художественному тексту, который определяется как «особая форма словесного эстетического освоения человеком материальной и идеальной действительности» [2: 14]. С позиций этого направления, главным объектом исследования художественного текста является активно функционирующая система средств авторского выражения, а основной целью — выявление текста-

конструкта как антропоцентричной вербализованной модели-инварианта.

6. В рамках второго направления исследуется проблема соотношения понятий *текст* и *дискурс* и их понятийного наполнения. Так, например, предлагается и обосновывается включение в понятие *дискурс* компонентов, отражающих авторское сознание, поскольку интенциональные мотивации, личностные концептосферы обуславливают интерпретацию дискурса, как модуса отражения авторского сознания, складывающегося на основе общечеловеческих констант, национальных и индивидуальных переменных [1: 14]. Расширение понятийного наполнения термина *дискурс* достигается и включением в него понятия *дискурсивной личности*, поскольку дискурс — это целенаправленное коммуникативное действие говорящего субъекта, мировидение и миропонимание которого проявляется именно в дискурсивной деятельности. [5: 87–88].

7. Авторы, условно относимые нами к третьему направлению, рассматривают функционирование отдельных языковых категорий и классов языковых единиц, выражающих специфику языковой личности в древнерусском тексте. Этой проблематике посвящены, например, монографии З. К. Сабитовой [6] и А. Р. Бейсембаева [3], в которых на основе анализа древних текстов характеризуется языковая личность древнерусской эпохи, личность говорящего (пишущего) как носителя языка, знаний, общественного сознания, культуры восточных славян. Обе монографии фактически анализируют организующие константы древнерусского текста как антропоцентричной вербализованной модели-инварианта.

8. Таким образом, проблема соотношения понятий *текст* и *дискурс* занимает одну из центральных позиций в казахстанской филологии конца XX — начала XXI в. Объединяющими факторами для всех разрабатываемых в казахстанской лингвистике направлений в изучении текста и дискурса является, с одной стороны, представление о тексте как отправной точке всех филологических процедур, ядерном конституенте коммуникации, сложной макроструктуре и результате целенаправленного коммуникативного действия говорящего (пишущего) субъекта, а с другой — стремление к выявлению языковых характеристик личности автора дискурса, то есть дискурсивной личности.

Литература

1. Аманбаева Г. Ю. Дискурсивное направление и современная лингвистическая методология // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 30 июня — 5 июля 2003 г. Русский текст и русский дискурс сегодня / Под ред. В. П. Казакова, Н. О. Рогожиной, Е. Е. Юркова. СПб., 2003. С. 9–17.
2. Ахмедьяров К. К. Лингвистическая поэтика: традиции и новации. Алматы, 2002.
3. Бейсембаев А. Р. Эгоцентрические единицы в летописном тексте. Алматы, 2002.
4. Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста. М., 1982.
5. Ли В. С. Парадигмы знания в современной лингвистике: Уч. пособие. Алматы, 2003.
6. Сабитова З. К. Категория определенности — неопределенности в древнерусском языке. Алматы, 1998.

Стилистико-композиционная роль периода как экспрессивного элемента структуры текста

Л. И. Байкова

ГОУ ВПО Кубанский государственный университет (Краснодар)

lingv@phil.kubsu.ru

Текстологическая функция, стилистические приемы в периоде, автосемантические структуры, периоды-экспозиции, периоды-скрепы

Summary. The paper deals with textological and stylistic functions of periodical forms of speech.

Последние годы ознаменованы большим интересом исследователей к семантике художественного текста и функциональной стороне языковых единиц, организующих его. К ним принадлежит и такое многоаспектное и противоречивое образование, как период. Уже в античной теории фигур период занимал маргинальное положение. С одной стороны, он обслуживал такое качество речи, как ясность, и, подобно другим фигурам, иконично выражал в речи движение мысли и чувства. С другой стороны, период обслуживал такое качество речи, как красота, и, в отличие от большинства фигур, мог быть охарактеризован с точки зрения эвфонии и эвритмии, что уже не было напрямую связано с гармонизацией плана выражения и плана содержания и что ставило его в один ряд с единицами ритмическими. Ср. смешение обоих свойств периода в современном его определении, данном в энциклопедии «Русский язык», где сказано, что в периоде «составляющие элементы содержательной, синтаксической и ритмико-интонационной структур находятся в гармоническом соответствии между собой», т. е., с одной стороны, прослеживается иконизм синтаксической структуры по отношению к содержанию, с другой — упоминается совершенно другой аспект — симметрия в плане выражения, гармоничная сама по себе. Кроме того. Заложена в самой этимологии термина «период» идея «охвата, обхода», связанная с диалектикой отношений части и целого, вообще не могла быть вразумительно описана до появления лингвистики текста.

В этом плане важной представляется и текстологическая функция периода. Структура периода предполагает увеличение смысловой нагрузки, ложающейся на отрезок текста, и тем самым усиление напряженности, связанной с восприятием данного отрезка. Период может давать целую картину эпохи, представлять самые разрозненные, даже контрастные явления в ассоциативной связи. Немаловажное значение для понимания специфики функционирования периода имеет вопрос его объема, так как период представляет собой укрупненное синтаксическое образование. Резко увеличенный объем становится элементом стиля и, как все стилевые элементы, функционально нагружен.

Характер взаимодействия стилистических приемов в периоде может быть самым разнообразным: 1) нарастание и ретардация (перечисление однотипных придаточных предложений предшествует главному предложению), 2) параллелизм синтаксической структуры членов вводящей части (одинаковый порядок слов, единство форм сказуемых и единство субъектов), 3) анафорический, эмфатический и корневой повторы, 4) сравнения и др.

Представление единства в многообразии — это основная стилистическая функция периода. Основная, но не единственная. В художественном произведении в зависимости от содержания речевого периода его главная стилистическая нагрузка часто осложнена дополнительными признаками. Так, периоды, благодаря своеобразному лексико-семантическому подбору, могут передавать торжественное настроение, возвышенное переживание, т. е. могут приобретать патетическое звучание. Оно находит поддержку (следовательно, усиливается) со стороны грамматической формы периода. Во-первых, интонация периода с характерным ступенчатым тональным подъемом в его первой части вносит в периодическую речь торжественный декламационный ритм. Во-вторых, возвышенный тон повествования усиливается благодаря «красивости» своей формы периода с его стройным (даже несколько искусственным), четким расположением одинаково оформленных однородных частей.

Сопоставляя различные случаи использования периодов, можно сказать, что периодическая форма речи независимо

от места и целей употребления всегда вносит в повествование свое основное стилистическое звучание: проявление многообразия в единстве со всеми сопровождающими его дополнительными значениями, как создание внутренне сопряженных контрастов, раскрытие взаимосвязи, взаимообусловленности явлений, описание хода развития логической мысли.

Истинные периоды представляют собой такие синтаксико-синтаксические образования, которые в силу своих формально-структурных и содержательных сторон выявляют своего рода самостоятельность, относительную независимость от контекста и даже текста. В целом периодические построения, благодаря лингвистическим особенностям своей формы, тяготеют к автосемантическим структурам. В данном случае мы имеем в виду общую тенденцию, интенсивность проявления этого признака (автосемантичности). При этом возможно варьирование видов автосемантии и степени ее проявления в зависимости от использования периодических построений в различных композиционных частях произведения. Эта идея, на наш взгляд, достаточно продуктивна, так как она позволяет, во-первых, рассматривать период как схему выдвижения текстообразующих свойств тех или иных его составляющих и, во-вторых, ставить период (интонационно маркированный элемент) в один ряд с такими графически отмеченными элементами текста, как заголовок, лид (для газетного текста) и т. д., также тяготеющим к двойственному (автосемантическому и неавтосемантическому) функционированию. Однако необходимо отметить, что автосемантическая тенденция в то же время не исключает его тесной соотнесенности с окружающим контекстом и носит относительный характер.

Для различных периодов характерны разные виды автосемантии и разные степени ее проявления. Так, в большинстве случаев периоды, расположенные в середине абзаца, автосемантически. Иногда мысль, выраженная в таких периодах, непосредственно не связана с основной линией абзаца. Периоды, являющиеся начальными компонентами абзацев, обладают, как правило, наибольшей степенью автосемантической по сравнению с периодами, заключающими абзац. Максимальной автосемантией характеризуются периоды, входящие в состав более крупного смыслового единства. Такие периоды абсолютно эксплицитны и не нуждаются в поддержке контекста для полной реализации своего логического и эмоционального значений. В то же время они имеют прямую и непосредственную связь с тематическим контекстом всего произведения.

Как связывающие звенья в повествовании выступают периоды-скрепы, стоящие между двумя действиями и представляющие собой переход от одного действия к другому. Скрепляющие периоды показывают одновременность разного рода событий, полноту жизни в ее противоречиях. Кроме того, они играют в повествовании композиционную роль, позволяя (путем передачи двух планов в единстве) плавно и последовательно вести изложение.

Одной из разновидностей периода является период-экспозиция — совершенная форма вступления к развитию сюжета произведения. В таком периоде дается перечень событий, который предшествует основному содержанию произведения и на фоне которых рельефно очерчиваются основные сюжетные линии произведения в объеме развернутых картины повествования. Реже он используется в абсолютном начале произведения как композиционный прием концентрированного выражения мотивов (причин), побудивших автора обратиться к теме своего сочинения.

Использование периода в интересах сопряжения контрастных по содержанию действий, широкое привлечение фак-

тов (доводов) в первой части как необходимого условия для обеспечения второй части. Обоснованности выводов и вытекающей из них силы воздействия на эмоции читателя плюс необычное по длительности напряжение читателя, стремящегося не потерять нить повествования, охватить

разнохарактерные эпизоды и по-своему осмыслить их, — все это становится текстом, цель которого — органическим переходом от частных явлений к обобщениям показать внутренний мир персонажей и вызвать соответствующую реакцию у читателя.

Русские междометия как прагматические единицы языка

Е. И. Граф

Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (Германия) / Ludwig-Maximilians-Universität München

Elena.Graf@slavistik.uni-muenchen.de, elena.graf@gmx.de

Междометия, речевые единицы, прагматика

Summary. The purpose of this paper is to focus on how to sharpen the definition and description of interjections and contribute to our understanding of what they are doing in discourse. Form and function of interjections are usually very closely connected. From the prosodic properties of interjections, such as tones, tone pitch or reduplication, often derive their pragmatic functions.

1. Целью доклада является рассмотрение класса междометий как особой категории в системе языка. Вопрос о категоризации класса русских междометий и определение их статуса относится к одной из проблематичных тем в современном языкознании. В лингвистической литературе их статус определяется по-разному. В различных концепциях междометия определяются как часть речи, структурные слова, языковые жесты, фразы-сигналы и др. (см. [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [12], [13], [14], [15] и др.) Совокупность морфологического, синтаксического и семантического критериев, которая обычно используется для описания отдельных разрядов слов, не применима по отношению к междометиям. С морфологической точки зрения междометия практически не обладают аффиксами. В синтаксическом плане междометия, как правило, выступают в качестве отдельных высказываний. С семантической точки зрения значение междометия не поддается описанию при помощи денотативного и сигнификативного компонентов. Этим обстоятельством объясняется сложность выделения параметров для категоризации данных единиц [4]. Междометия являются функционально-прагматическими единицами языка, они занимают особую позицию в классификации разряда слов, функционируя в качестве самостоятельных высказываний.

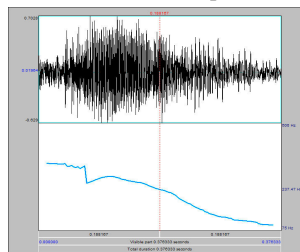
2. Междометия реализуют основные функции речевой коммуникации, которые были описаны Карлом Бюлером в 30-е годы прошлого столетия. Так, например, они выполняют экспрессивную функцию, выражая радость, боль (*ах!*, *ой!* и т. д.) и другие переживания говорящего. Они имеют фатическую функцию при употреблении для установки контакта между говорящим и слушающим (*эй!* и т. д.). Междометия обладают аппеллятивной функцией, когда они вводят такие речевые акты как, например, предупреждение, угроза и др. (*ага!* и т. д.). Поскольку междометия выступают в коммуникации в качестве самостоятельных высказываний, они часто рассматриваются как эквиваленты предложения. Однако основным свойством предложения является его предикативность, реализуемая в формах времени и наклонения. Междометия не выражают эти категории, они также не содержат пропозиции. Таким образом, как нам представляется, нет оснований говорить о междометиях как об эквивалентах предложения.

3. Класс междометных единиц чрезвычайно гетерогенен по своему составу. Разнородность класса междометий может быть представлена в виде полевой структуры, т. е. в виде совокупности единиц, отражающих общее функциональное сходство, заключающееся в передаче непосредственных душевных состояний человека. В центре этого поля находятся прототипические междометия, выполняющие, с одной стороны, такие прагматические функции как выражение эмотивных (в значении «я чувствую»), когнитивных (в значении «я понимаю») и волитивных (в значении «я хочу») переживаний говорящего, а, с другой стороны, обладающие особыми фонологическими характеристиками, на которых мы в последствии остановимся подробнее. В научной литературе подобные междометия определяются как «первообразные». Коммуникативно-прагматические функции междометий этой группы тесно связаны с их конкретной просодической реализацией (см. [1], [5], [8], [12]).

4. Как показывают отдельные примеры, решающую роль в модификации значения конкретного междометия этой

группы играют его фонологические особенности, такие как интонация и высота тона (на специфические просодические свойства междометий впервые указал Конрад Элих, описывая особенности отдельных немецких междометий). Форма (план выражения, т. е. тональные признаки) и функция (план содержания) прототипических междометий образуют своеобразный взаимообусловленный комплекс. Так, например, коммуникативно-прагматическая установка и функции междометного высказывания диктуется интонационной конфигурацией тона (ровный; нисходящий; восходящий, восходяще-нисходящий тон и др.).

- (1) *О, знакомое лицо! Это же доктор!* (кинофильм «Невероятные приключения итальянцев в России»).
- (2) — *Вы мне нравитесь, Гусев.* — *О.* — *Но люблю я другого человека.* (кинофильм «Валентин и Валентина»).

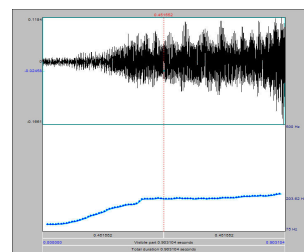

Пример (1).

О: положительное удивление

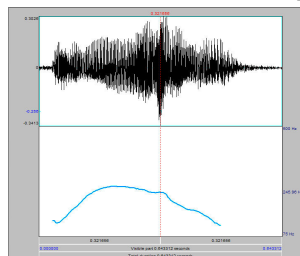
- (3) — *А сыну моему, Витьке, уже 14 лет!* — *О!* (кинофильм «Служебный роман»).

- (4) — *Не, ну ты так откровенно, сын, не, с утра, с утра говоришь откровенно. Не, ну, папа и мама как бы отдали этому [профессии актера / танцора] ...то есть... всю жизнь. Неужели не нравится? — Нет, почему, тяжело на самом деле.* — *О.* (Передача «Пока все дома»).

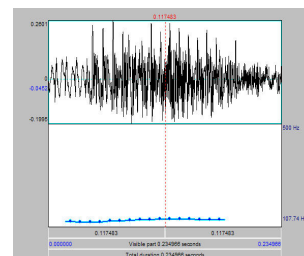
Пример (2).

О: одобрение

Пример (3).

О: удивление с оттенком одобрения

Пример (4).

О: разочарование

5. Таким образом, в языке существует определенный пласт средств, междометия, основными функциями которых является передача непосредственных (эмоциональных и когнитивных) переживаний говорящего. Решающую роль в формировании конкретного значения междометий часто играют их просодические особенности.

Литература

- Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М., 2002.
- Виноградов В. В. Междометия, их грамматические особенности и их разряды // Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986. С. 611–623.

- Германович А. И. Междометия русского языка. Пособие для учителя. Киев, 1966.
- Гладров А., Гладров В. Служебные слова. К вопросу о частях речи в славянских языках // Польский язык среди других славянских языков. IV Супруновские чтения. Минск, 2004. С. 39–47.
- Граф Е. Язык и эмоции (на материале русских междометий) // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) 11. (Die Welt der Slaven. Sammelbände / Сборники. 33). München, 2008. S. 44–52.
- Добрушина Н. Р. Принципы и методы системного лексикографического описания междометий. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Серёда Е. В. Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи. М., 2005.
- Шаронов И. А. Междометия в речи, тексте и словаре. М., 2008.
- Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
- Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Русская речь. 1928. № 2. С. 5–27.
- Bühler K. Sprachtheorie. Jena, 1934.
- Ehlich K. Interjektionen. Tübingen, 1986.
- Fries N. Die Wortart 'Interjektion' // Cruse D. A., Hundsnurscher F., Job M., Lutzeier P. R. (Hrsg.). Lexikologie. Ein Internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen. Band 21. (1. Halbband.). Berlin; New York. S. 654–657. (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft; 21.1).
- Isačenko A. V. Die russische Sprache der Gegenwart. Formenlehre. München, 1962.
- Reisigl M. Sekundäre Interjektionen. Frankfurt am Main, 1999. (= Arbeiten zur Sprachanalyse; 33).

Повторы *Да* и *Нет* в устном диалоге*

Е. А. Гришина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

rudi2007@yandex.ru

Структура русского диалога, ассерция и негация

Summary. In the paper the discrepancies between the repeated *Da* 'yes' and repeated *Net* 'no' in a spoken Russian dialogue are listed with the reference to the usage of the single *Da* and the single *Net*.

1. Постановка задачи

Рассматриваются случаи амплификации (повторов) слов-предложений *Да* и *Нет* в устном диалоге (на материале Мультимедийного русского корпуса МУРКО). За рамками исследования остаются случаи повторов данных единиц в качестве самостоятельных высказываний, т. е. с паузами между повторяемыми единицами. Ставится задача 1) проследить, какие основные функции выполняют повторы *Да* и *Нет* в устном диалоге, 2) сравнить повторы *Да* с повторами *Нет*, чтобы выявить сходства и различия.

2. Повторы *Нет*

Собранный материал демонстрирует, что наиболее частотным типом повтора в случае *Нет* является однократный повтор (т. е. *нет-нет*) — он употребляется в 69% случаев повтора. В остальных случаях используется многократный повтор (двух- и более кратный). Основная ритмическая структура однократного повтора *Нет₂* — ямбическая, т. е. с ударением на втором *нет*; троекратный повтор *Нет₃* имеет чаще всего структура анапеста (*нет-нет-нёт*), реже — дактиля (*нёт-нет-нет*) и никогда — амфибрахия (**нет-нёт-нет*). Многократный повтор *Нет+* имеет разнообразную структуру: используются разные комбинации растяжек гласных и места ударения (для изучения закономерностей пока недостаточно материала, поскольку на *Нет+* приходится только 14% примеров).

Два основных движения тона, характерные для *Нет+*, — нисходящее (61%) и восходящее (17%). Все случаи повторов *нет* имеют разновидности только одного значения — 'отрицания' в широком смысле (опровержение, возражение, отказ, отрицание), и в этом отношении не отличаются от одинарного *Нет*, значение которого в общем виде можно определить как отрицание некоторого высказывания о мире (см. [4]). При этом восходящее движение тона придает от-

рицанию с помощью *Нет+* оттенок полемичности, но не меняет его основного значения.

На обследованном материале не встретилось случаев «отрицания невысказанного» (см. [2: 404–406], [3: 100–101], например, *Нет, это что-то!*) с помощью *Нет+*. Лингвистическая интроспекция, однако, подсказывает, что использование в этом случае *Нет₂* и *Нет+* языком не запрещено (*Нет-нет-нет, это что-то!*).

Таким образом, подводя итог, можно утверждать, что повторы *Нет* в устном диалоге не отличаются принципиально от *Нет* одинарного, — все они имеют значение отрицания некоторого высказывания (реально прозвучавшего или предполагаемого).

3. Повторы *Да*

Для *Да₂* характерна ямбическая структура, для *Да₃*, — структура анапеста, *Да+* характеризуется равным выделением каждого повторяемого элемента с постепенным затуханием громкости. Основные движения тона распределяются следующим образом: нисходящее — 88%, ровное — 10%. Ровный тон приходится в основном на вариант *Да+*.

Отметим, что на нашем материале встретился только один случай восходящего тона *да-да↑* (*Доктор! Доктор! — Да-да?*), однако он демонстрирует, что, в отличие от восходящей интонации в *Нет+↑*, восходящая интонация в *Да₂↑* семантизирована и сопровождает *Да₂* в ситуации отклика на призыв. При этом восходящее движение тона не используется в *Да₃* и *Да+*. Последнее объясняется, видимо, тем, что для передачи значения 'отклик' достаточно одного кванта интонационного движения вверх, которое и происходит на втором *да*, а остальные *да* в этом случае оказываются избыточными.

Сопоставление *Да+* с одинарным *Да* показывает, что замена одинарного *Да* на *Да+* возможна только при наличии в предшествующем контексте стимула, реакцией на который является *Да* (см. таблицу).

Стимул	Одинарное <i>Да</i>	<i>Да₂</i>	<i>Да₃</i>	<i>Да+</i>
1. Ты придешь завтра?	— Да.	— Да-да.	— Да-да-да.	— Да-да-да-да-да.
2. Доктор!	— Да?	— Да-да?	*Да-да-да?	*Да-да-да-да?
3. У меня родилась дочь.	— Да? Неужели?	— *Да-да? Неужели?	— *Да-да-да? Неужели?	— *Да-да-да-да? Неужели?
	4. Да, кстати, ты когда уезжаешь?	*Да-да, кстати...	*Да-да-да, кстати...	*Да-да-да-да, кстати...
	5. Ты вернешься, да?	*Ты вернешься, да-да?	*Ты вернешься, да-да-да?	*Ты вернешься, да-да-да-да?
	6. Да, этому парню я бы палец в рот не положил...	*Да-да, этому парню ...	*Да-да-да, этому ...	*Да-да-да-да, этому ...

Обратим внимание, что небанальным случаем отсутствия стимула является пример 3 в таблице: *Да?* здесь не является реакцией на эксплицитный стимул *У меня родилась дочь*, а представляет собой один из примеров предвос-

хищенного согласия в русском диалоге; поскольку это не реакция на эксплицитный стимул, то и замена одинарного *Да* на *Да+* в данном контексте невозможна (см. подробнее [1]).

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 08–06–00371а и программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

4. Результаты

Исследование показало, что структура значений, а следовательно, и схемы употребления *Да+* являются более сложными, чем структура значений и схемы употребления *Нет+*. Это можно объяснить только тем, что семантическая и прагматическая структуры одинарного *Да* (исходного для *Да+*) — сложнее, чем одинарного *Нет* (такая трактовка противоречит выводам, сделанным в [4], где более сложной единицей считается *Нет*). Если семантическая и прагматическая структура *Нет* определяются лишь тем, что *Нет* отражает отношения в диалоге двух разных высказываний об одном и том же событии, то структура *Да* содержит не один, а три слоя: *Да* отражает 1) оценку некоторого высказывания Р как адекватного объективной ситуации Z (формулировка Е. Добрушиной), 2) одобрение самого прагматического факта произнесения высказывания Р, 3) фиксацию некоторого объективного положения вещей Z в объективной действительности. Так, пример 1 в таблице иллюстрирует первый слой — оценку некоторого высказывания как адекватного действительности; пример 4 иллюстрирует второй слой — прагматическую апелляцию *да-*говорящего к уместности некоторой темы, которую вводит его собеседник; пример 6 иллюстрирует третий слой — итоговую фиксацию с помощью *Да* некоторого объективного положения вещей, суть которого *да-*говорящий доносит до своего собеседника (*Этому парню я бы палец в рот не положил...*). Последнее *Да* обычно снабжается носовым призвуком (*нда, мда*) или растяжкой гласной (*дааа*) (о возможном иконическом объяснении растяжки и призвука см. [1]). Движение тона либо ровное (растяжка), либо довольно резко нисхо-

дящее (*мда*); возможно, впрочем, сочетание ровного тона на носовом призвуке с нисходящим тоном на гласной. Как следствие, *Нет* всегда является реакцией на некоторый речевой стимул (имплицитный или эксплицитный) и в результате имеет только одно значение ('отрицание' в широком смысле) — Именно поэтому *Нет* не встречается в изолированном употреблении, т.е. в отрыве от своего стимула. Даже в том случае, когда *Нет* «отрицает невысказанное», имплицитный стимул возникает в тексте сразу после *Нет* (ср. *Нет, это что-то! Нет, каков подлец!* и под.). В противоположность *Нет*, изолированное употребление *Да* (в форме *Мда... Да... Дааа...*) вполне осмысленно, — круг значений *Да* существенно шире благодаря его семантико-прагматической многослойности. Эта асимметрия между *Да* и *Нет* определяет разницу значений *Да+* и *Нет+*.

Литература

1. Гришина Е. А. Немотивированные *Да* и *Нет* в устном диалоге // Материалы международной конференции Диалог'2010. М., 2010 (в печати).
2. Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. 500 способов сказать «нет» (русско-немецкие соответствия) // Логический анализ языка. Асерция и негация. М., 2009.
3. Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. Русское *нет*, немецкое *nein*, английское *no*: сопоставительное исследование семантики // Материалы международной конференции «Диалог'2009». М.: 2009 (= <http://www.dialog-21.ru/dialog2009/materials/pdf/16.pdf>).
4. Добрушина Е. Р. Существует ли симметрия значений слов *ДА* и *НЕТ*? // Материалы международной конференции «Диалог'2001». М., 2001 (= <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=6675&y=2001&vol=6077>).

К проблеме лингвистического описания гипертекстовых ссылок

О. В. Дедова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

dedova@philol.msu.ru

Интернет, гипертекст, источник и объект ссылки, семантика гипертекстового перехода

Summary. The report highlights specific features of the hyperlinks which are considered as the subject of linguistic research.

Как известно, история Интернета неотделима от становления той модели представления информации, которая в середине 60-х годов прошлого века получила название *гипертекст*. По мере распространения письменной сетевой коммуникации программно поддерживаемая технология осваивалась коммуникативными практиками, в результате чего вырабатывалась особая гипертекстовая стилистика [1].

Обязательным атрибутом гипертекстовых структур является специфическая система связей между их композиционными единицами. В основе этой стратегии — оснащение исходного текста межтекстовыми переходами, или так называемыми ссылками, что становится одним из существенных аспектов авторской деятельности. Именно сложная система ссылок реализует в пространстве электронного гипертекста такие важнейшие текстовые категории, как формальная когезия и семантическая когерентность.

Любая гипертекстовая ссылка характеризуется двунаправленностью, функциональной связью двух текстовых или графических изображений на экране компьютера, соединяемых мгновенными переходами. Источники и объекты гипертекстовых переходов должны были быть структурно выделены при помощи средств гипертекстовой разметки, поэтому первые филологические классификации ссылок основывались на анализе возможностей технологии и отражали формальные критерии: характер связываемой информации (текст, графическое изображение и т. д.), объем источников и объектов ссылок, «направленность» переходов [3]. Это было необходимым этапом в лингвистическом исследовании гипертекста, поскольку его текстовые категории формировались в результате коммуникативного освоения технологии. И сейчас стандарт гипертекстовой разметки сохраняет ряд ограничений в организации переходов, что не может не сказаться на реализации текстовых категорий. Например, отнюдь не равноправны так называемые «внешние» и «внутренние» переходы: нельзя сослаться на текстовый или графический фрагмент документа, имеющий другой URL, и, что самое главное, создать основание для обратной связи.

По мере развития Интернета гипертекст формировался как особая практика нелинейного письма. Он вырабатывал собственную стилистику, формировал специфические текстовые категории. Очевидно, что формальные аспекты гипертекстовых переходов, являющиеся прямой проекцией технологии, не должны рассматриваться в качестве единственным объектом лингвистического описания. Ссылки, ставшие существенными единицами текстообразования, должны быть охарактеризованными также по функциональному и семантическому критериям. С функциональной точки зрения следует разграничивать т. н. структурные ссылки [2], подобно традиционному оглавлению связывающие композиционные части гипертекста, — и ссылки содержательные. Смысловые отношения между источником и объектом содержательной ссылки позволяют описать понятие **семантика гипертекстового перехода**. Данный аспект нам представляется наиболее интересным, так как он оказывает самое существенное воздействие на «приращение смысла», который любой письменный текст претерпевает в процессе своего функционирования.

В идеале источник гипертекстовой ссылки и ее объект должны были соотноситься так же, как название и основной текст энциклопедической статьи (не случайно именно энциклопедия стала одним из самых распространенных сравнений, осмысляющих специфику электронного гипертекста при помощи возможных «книжных» параллелей). Но реально этот тип ссылок достаточно ограничен в своем использовании: современный Рунет предлагает нам целую гамму различных смысловых нюансов вплоть до полного отрицания номинации, содержащейся в источнике ссылки.

Смысловое многообразие гипертекстовых переходов в ряде случаев связано с тем, что в качестве источника ссылки оформляется слово со специфической семантикой, которая не может быть интерпретирована вне конкретного дискурса. Наиболее часто в этой роли выступают местоимения *здесь*, *тут* и *туда*, употребленные в функции так называемого текстового дейксиса. С нашей точки зрения, практика

электронного гипертекста подтверждает тезис о том, что чем доступнее (активнее) является референт, тем более экономное средство используется для его обозначения. Зачем давать точную номинацию для вызываемой информации, если она так доступна? Достаточно одного щелчка клавиши мыши, чтобы перейти к ней. При использовании подобных переходов интересы автора гипертекста и его читателя вступают в противоречие, поскольку читатель, напротив, заинтересован в более точных и конкретных формулировках источников ссылок.

В случае оформления в качестве источника ссылки полных слов, семантика перехода также может быть нетривиальной (например, ссылка скука и серость, ведущая к официальному государственному сайту). Как показывают наши наблюдения, сознательное «затуманивание» предлагаемого перехода постепенно превращается в особое средство гипертекстовой выразительности. Если автор объединяет в пределах одного гипертекстового перехода явления, понятия, события и т. д., связи между которыми не обладают эпистемическим статусом, он тем самым передает свое субъективное восприятие данных явлений. В результате гипертекстовый переход становится выражением такой текстовой категории, как **модальность**.

Отсутствие точного соответствия между формулировкой источника ссылки и вызываемым текстом или текстовым фрагментом является одним из самых существенных аспектов специфики интернет-гипертекста. Сама идея гипертекста изначально предполагала вариативность семантических

оснований для создаваемых межтекстовых связей. В отличие от другого принципа организации электронной информации — базы данных — гипертекст во многом формируется на основании субъективной интерпретации объективных денотативных связей. Хотя идеал гипертекстового нарратива — информационная самодостаточность каждой отдельной единицы чтения, на практике это реализуется далеко не всегда. Для современных гипертекстовых стратегий очень характерны контексты, с одной стороны, информационно недостаточные без осуществления предлагаемого перехода, а с другой — непредсказуемые в своих межтекстовых связях (например, «наша беседа проходила как часть общего проекта по расхищению мемуароцентричных призрачных достояний главных фигурантов Второго Русского Авангарда (см. предыдущую тему с Михаилом Гробманом)» [<http://www.litera.ru/slova/ioffe/kuzm.html>] и под.). Таким образом, одной из главных задач лингвистического анализа гипертекста является изучение реальных, живых сайтов Интернета, где возможности технологии (в том числе и мгновенные межтекстовые переходы) подтверждаются стилистическому и коммуникативному освоению.

Литература

1. Дедова О. В. Теория электронного гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. М., 2008.
2. Потапова Р. К. Новые информационные технологии и лингвистика. М., 2002.
3. Landow G. P. Hypertext 2.0. The Convergence of Contemporary Critical theory and Technology, Baltimore; London, 1997.

Соотношение грамматики и семантики в структуре текста

Г. А. Золотова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

gazolotova@mail.ru

Текст, композиция, регистр, коммуникативная грамматика, семантика, грамматические категории текста

Summary. The talk deals with the grammar semantics of tense-aspectual verbal forms, sentences and texts. Language resources that form communicative registers of speech are discussed. Analysis of some concrete texts is supposed to be performed in order to demonstrate language resources to provide text composition.

1. Текст — высший объект лингвистического исследования, к которому наука подвигается все ближе. Словарный фонд, соответствующий тематике и стилю отбор лексики из него, эмоционально-оценочная окраска, логическое развитие мысли, отношение автора к средствам ее выражения — аспекты и задачи филологического изучения языка и речи в ее текстовых реализациях.

2. Мыслительные и познавательные процессы реализуются в языковом выражении. В разных моделях предложения заложены их коммуникативные потенции.

3. По способу восприятия или познания мира, по категориальному характеру воспринимаемых явлений различаются коммуникативные типы регистры речи. Коммуникатив-

ные регистры являются результатом взаимодействия значимых единиц разных уровней.

4. Выстраивая композицию текста, автор отбирает языковой материал соответственно своим смысловым и стилистическим задачам.

5. Композиционно-синтаксические функции видо-временных форм предикатов, осуществляемые через коммуникативные регистры речи служат главным фактором организации текста.

6. В докладе рассматриваются языковые средства реализации регистровых структур и взаимодействие регистров в композиции произведений разных жанров.

Опыт классификации речевых актов (на материале русского языка)

А. К. Киклевич

Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Польша)

aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

Коммуникативная лингвистика, теория речевых актов, прагматическая функция высказывания

Summary. The author discusses the classification of speech acts and proposes his own idea which is founded on the difference of three levels of speech acts categorization. The author distinguishes ten binary oppositions on a general category level. They are hierarchically ordered: intentional vs. conventional, communication vs. non-communication, representative vs. performative, etc. In addition, the author devotes his attention to chosen basic speech acts categories and presents the cultural changes of speech acts on the example of request.

В докладе представлен обзор и систематизация подходов к классификации речевых актов в мировой, европейской и русской лингвистике, при этом учитываются классификации а) по признаку реализуемой в высказывании прагматической функции; б) по признаку соответствия между прагматической функцией и значением перформативного глагола (как базового интерактивного оператора); в) по признаку способа воздействия на адресата.

В предлагаемой автором — разработанной на материале русского языка — концепции различаются три уровня кате-

горизации речевых актов (с точки зрения закодированной в высказывании прагматической функции):

1) надбазовый уровень (макроуровень), включающий классы однородных в функциональном аспекте речевых актов, такие, как инициативные vs. реактивные, апеллятивные vs. креативные, инвенциональные vs. конвенциональные и др.;

2) базовый уровень, т. е. уровень таких речевых актов, как просьба, приказ, предложение, совет, пожелание, жалоба, угроза, декларация и др.;

3) подбазовый уровень (микроуровень), на котором выделяются варианты речевых актов, ср. варианты просьбы: о помощи, о помиловании, о рекомендации, о консультации и т. п.

Доклад будет, главным образом, посвящен классификации речевых актов на надбазовом уровне. Автор опирается на при этом на двух теоретических положениях: а) катего-

1. инвенциональные (динамические);
 - 1.1. коммуникативные;
 - 1.1.1. репрезентативные
 - 1.1.1.1. экспозитивные;
 - 1.1.1.1.1. декларативные;
 - 1.1.1.1.1.1. иницирующие;
 - 1.1.1.1.1.2. реактивные;
 - 1.1.1.1.2. констатирующие;
 - 1.1.1.2. вердиктивные (аксиологические);
 - 1.1.2. импрессивные;
 - 1.1.2.1. директивные;
 - 1.1.2.1.1. апеллятивные;
 - 1.1.2.1.1.1. непосредственного воздействия;
 - 1.1.2.1.1.2. опосредованного воздействия;
 - 1.1.2.1.2. креативные;
 - 1.1.2.2. комиссивные;
 - 1.2. некоммуникативные (эгоцентрические);
2. конвенциональные;
 - 2.1. этикетные;
 - 2.2. хабитуальные.

Предложенная классификация отличается от известных в литературе, во-первых, своей полнотой, во-вторых, выполнением логических критериев научной классификации. Выборочно будет представлена также классификация речевых

речевых актов упорядочены в виде бинарных оппозиций (на основе прагматической функции высказывания); б) категории речевых актов упорядочены иерархически, т. е. различаются оппозиции высшего порядка (включающие) и низшего порядка (включенные). Выделенные оппозиции речевых актов ниже представлены в виде списка:

актов на базовом уровне, а именно — классификация репрезентативов и директивов. Что касается подбазового уровня категоризации речевых актов, он будет представлен только в виде нескольких иллюстраций.

Интерпретационное функционирование текста в аспекте лингвистической вариантологии

Л. Г. Ким

Кемеровский государственный университет

kimli09@mail.ru

Вариативность, интерпретация, адресат, интерпретирующий текст

Summary. The paper addresses the issue of variant-interpretative functioning of the text in a recipient's discourse, which is an integral part of the overall space of linguistic variantology. A methodology for describing the discussed phenomenon is devised and the suggested units of interpretative functioning of the text are explored.

Вариативность как универсальное свойство языка и его вариативная репрезентация в территориальном, временном, социальном, личностном и текстовом пространстве, а также варьирование единиц разных языковых уровней позволяют ставить вопрос о необходимости выделения *вариантологии* как самостоятельной лингвистической дисциплины, имеющей собственный предмет исследования: формально-смысловое варьирование языковых и речевых единиц разных уровней, определяющее особенности их функционирования в текстовом пространстве и пространстве языковой личности. Именно об этом говорит В. Г. Гак, утверждая, что «вариативность — фундаментальное свойство языка, настолько существенное, что оно не может ограничиваться анализом отдельных фактов или групп фактов на различных уровнях языковой системы, но должно изучаться в рамках вариативности (вариалогии)» [1: 365].

В традиционное учение о вариативной сущности языка и его единиц мы предлагаем ввести новый предмет изучения — *интерпретационную вариативность текста*: тем самым предпринимается попытка существенного расширения горизонтов вариантологии. Во-первых, в качестве ее объекта рассматривается текст. Во-вторых, вариативность исследуется нами в направлении не «от языковой системы к речевому материалу (тексту)», как это представлено в традиционной лингвистике, а «от текста — к речевой деятельности». В-третьих, предметом изучения является речевая деятельность не продуцента текста, а его реципиента. В-четвертых, описывая варианты интерпретации в плане содержания, мы делаем акцент на смысловые (модусно-диктумные) детерминанты вариативности. Наконец, в-пятых, одну из причин воздействия данных детерминант мы видим в вариативности качества языковой способности носителя языка (языковой личности). Последнее обстоятельство выводит вариантологию в лингвоантропологическое пространство, пока мало затрагиваемое этой научной дисциплиной, хотя

оно органически связано с системно-языковым пространством [3]. Присоединяясь в связи с этим к тезису В. М. Солнцева о том, что «вариантно-инвариантное строение языка моделирует вариантно-инвариантное строение мира» [4: 33], считаем возможным включить в него промежуточное звено — вариантно-инвариантное строение персонологической сферы языка. Думается, что смысловая вариативность текста задается факторами одновременно индивидуально-психологического и объективно-структурного характера как следствие объективных свойств языка и языковых знаков. Вариативность интерпретационной деятельности реципиента и — как результат — экспликация смысловой множественности текста детерминированы вариативным потенциалом самой языковой системы, поскольку, согласно сформулированной Н. Д. Голевым гипотезе, принципы системного устройства языка коррелируют с принципами ментально-психологического персонологического пространства [3]. Развивая этот тезис, можно также предполагать, что язык устроен таким образом, чтобы обслуживать вариативность рецептивно-интерпретационной деятельности, или — в другом аспекте — *вариативность интерпретационной деятельности и вариативность как фундаментальное свойство языковой системы взаимодетерминированы*.

Основные положения традиционной системно-структурной вариантологии, включающие учение об инварианте и его вариантах — речевых единицах, связанных отношениях «абстрактное — конкретное» и «тождество — различие», о корреляции двух типов единиц — «эмического» и «этического» уровня, учение о позициях как условиях актуализации / нейтрализации смысловых дифференциаций текста, отражающие некие сквозные, межуровневые универсалии, учение о функционально-семантическом потенциале единицы языка и его реализации могут быть успешно использованы при исследовании феномена вариативного функционирования текста в рецептивном персонологическом

пространстве. Один из примеров такого функционирования показан нами в [2].

Вариативность интерпретации текста рассматривается в аспекте корреляции «*потенциал — реализация*» как свойства языкового знака. Семантический потенциал — это присущая тексту способность к выражению вариативной множественности смыслов. Семантическая реализация — это актуализация одного из нескольких возможных смысловых вариантов при нейтрализации прочих в определенных коммуникативно-прагматических условиях.

Интерпретационный процесс направлен на восприятие и осмысление текста — *объекта* рецептивно-интерпретационной деятельности, который в соответствии с нашей концепцией является *интерпретируемым текстом*. Результат рецептивного ментально-речевого процесса воплощается в виде *интерпретирующего текста*, который в *генетическом аспекте* является вторичным, находящимся в отношениях формально-смысловой детерминации относительно интерпретируемого текста, а в *синхронно-функциональном* — интерпретирующийся текст можно охарактеризовать как результат аспектуальной, функционально-направленной и субъективно-детерминированной компрессии.

Роль категории темпоральности в формировании устного текста

Е. И. Костанди

Тартуский университет (Эстония)

jelizaveta.kostandi@mail.ee

Разговорная речь, текстовый уровень, время

Summary. On a role of the temporal category in forming of oral text. The significance of the temporal category in the process of forming an oral text is considered in the report on the basis of records of the contemporary oral speech. The correlation of temporal parameters and characteristics of a subject of speech are analyzed: position of subject, purposive attitude, orientation to the definite addressee. The language form of the paragraphs of a text and the structure of a text depend on the modeled position of a subject in the temporal space.

Материалом для анализа послужили записи современной русской разговорной речи, сделанные в 2002–2009 годах автором и студентами отделения славянской филологии Тартуского университета. Большинство записей — спонтанная речь в непринужденной обстановке, не предполагающая специального, ориентированного на письменный текст оформления. Такой материал дает наибольшие возможности выявления специфики разговорной речи. Многие особенности русской разговорной речи детально описаны, однако характеристика текстового уровня нуждается в более полном, чем есть в настоящее время, описании. В докладе будет рассмотрена роль категории темпоральности в формировании устного текста.

Антропоцентризм языка и речи предполагает, что основой порождения речи в целом и каждого конкретного текста является субъект в его различных проявлениях, например, таких, как авторская целевая установка, оценка, направленность на определенного субъекта-адресата, фоновые знания субъекта-автора и субъекта адресата и др. Одним из важных факторов, как известно, является установление автором (и соответствующее восприятие адресатом) пространственно-временных параметров моделируемой языковой действительности, их соотношение с аналогичными параметрами коммуникативного акта и более широкой неязыковой действительности. Установленные пространственно-временные характеристики в значительной степени обуславливают другие признаки текста.

Спецификой устной речи, с точки зрения установления пространственно-временных параметров, является совпадение во времени и пространстве участников коммуникации и порождаемого / воспринимаемого устного текста. Как пока-

зывают исследования, в частности — представители Фрейбургской школы, одним из значимых компонентов речевой ситуации, влияющих на выбор языковых средств в устной речи, является соотношение времени текстообразования и времени описываемого события. В докладе предполагается рассмотреть прежде всего показатель времени, меньше внимание на данном этапе исследования уделено пространственным характеристикам, они затрагиваются в той степени, в которой соотносятся со временем.

Анализ нашего материала свидетельствует о значимости временной локализации события для структурирования устного текста, в котором можно вычленилть части, имеющие разную временную характеристику и, соответственно, разное языковое оформление, проявляющееся не только в глагольных показателях времени. На наш взгляд, можно соотнести фрагменты устной речи с разной временной локализацией с типами коммуникативных регистров [1] и моделируемыми характеристиками воспринимающего субъекта (субъекта — непосредственного наблюдателя и отстраненного субъекта). Чередование таких фрагментов создает основу для определенной структуры устного текста, что позволяет говорить о текстовой функции категории времени в устной речи.

На формирование любого текста, в том числе устного, влияет ряд факторов, временная локализация — лишь один из них, и в рабочих целях он может рассматриваться как относительно самостоятельный, однако для более полного анализа необходим учет всего комплекса факторов, что и предполагается дальнейшим исследованием.

Литература

1. Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998.
2. Голев Н. Д., Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 34. № 27. Челябинск, 2009. С. 12–20.
3. Лингвоперсонология: Типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Барнаул: Кемерово, 2006.
4. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31–42.

Типы метафорических контекстов в художественном произведении

Л. А. Лебедева

Кубанский государственный университет (Краснодар)

leb48@mail.ru

Эксплицитный и имплицитный метафорический контекст, образная триада, механизмы образных трансформаций слова

Summary. Stages in the building of metaphorical meanings of words in fiction conditioned by existence of metaphorical contexts of different volume that are represented explicitly or implicitly.

Слово в художественном тексте является дискретным знаком, смысловое наполнение которого континуально, причем

границы смыслового «растяжения» слова определяются по меньшей мере тремя факторами: потенциальными возмож-

ностями лексико-семантической системы языка, авторскими интенциями и традиционностью моделей смысловых трансформаций слова, используемых автором в конкретном художественном произведении.

Слову в художественном произведении, пожалуй, в наибольшей степени свойственны трансформации метафорические. При этом образные смысловые приращения обретаются словом как в минимальном контексте, так и в контексте всего произведения, когда они «воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого» [2: 234], причем метафорический контекст может быть эксплицитным (собственно текстовым, дистрибутивным) и имплицитным (внетекстовым, культурно-ассоциативным).

В пространстве художественного текста формирование образных смыслов слова имеет, как правило, ступенчатый характер. Н. С. Валгина именует эти ступени образом-индикатором (буквальное, прямое значение слова), образом-тропом (переносное значение) и образом-символом (обобщенное значение на базе частных переносных) [1: 125]. Заметим, что предельное (до символа) семантическое развитие получают лишь слова, становящиеся смысловыми доминантами текста.

Движение конкретного образа к образу-символу можно схематично представить в виде семантической «матрешки»: при безусловном сходстве словесной формы наблюдается различный семантический объем слов, представляющих образную триаду «образ-индикатор — образ-троп — образ-символ». Как правило, все составляющие подобной триады выявляются в пространстве художественного текста, хотя репрезентация каждой ипостаси образного слова не всегда вербализована. Так, в стихотворении В. Высоцкого «Высота» прослеживаются все три ступени семантического развития слова *высота*. Во-первых, здесь реализуется конкретное значение данного слова — «возвышенное место, холм» (в стихотворении употребляется и производное уменьшительное — *высотка* «небольшая возвышенность, холм, горка»): *Вцепились они в высоту, как в свое...; Шесть раз занимали мы ту высоту, / шесть раз мы ее оставляли; ... все судьбы-пути / на этой высоте скрестились*. Во-вторых, в стихотворении имплицитно переносное значение слова *высота* — «высшая степень чего-л.; вершина», потому что рассказ о покорении высоты — это рассказ о высшей степени самоотверженности, патриотизма советских солдат: *И снова в атаку не хочется всем, / земля — как горелая каша. / В седьмой — мы возьмем ее насовсем — / свое возьмем, / кровное, / наше*. И конкретная высота становится символом всей русской земли, которую нужно отстоять от врагов: *Все наши деревни, леса, города / в одну высоту эту слились*. Символическое значение слова подчеркивается вынесением его в заглавие произведения.

Создание индивидуально-авторских образных смыслов в пространстве художественного текста — это постоянное столкновение языковой нормы «с живым процессом новообразования (метафорическими, метонимическими и прочими переносами), при котором продолжают действовать те же механизмы, что и в узаконенных словарных значениях слова» [3: 15]. Однако в художественном тексте эти механизмы усложняются, например, наблюдается совмещение метафорического и метонимического начала в переносе исходного значения, становится возможной семантическая

апликация, обусловленная сближением в текстовом пространстве нескольких метафорических полей, оживлением ассоциативных связей слов и словосочетаний, и т. д. Так, в «Апеллесовой черте» Б. Пастернака толчком к развертыванию образной структуры одного из фрагментов текста служит застывшая («мертвая») метафора *наступает ночь*, формально в тексте не представленная, но семантически имплицитная в него описанием захода солнца: *В один из сентябрьских вечеров... День оборвался*.

Б. Пастернак намеренно оживляет внутреннюю форму имплицитированного в текст словосочетания *наступает ночь*, включая в пространство текста слова *войско, приступ, прорваться, укрепления, партизаны, рубиться*, как бы напоминая читателю, что *наступать* — военный термин. Ср.: *...пизанская косая башня ведет целое войско косых зарев и косых теней приступом на Пизу...; Пизанская косая башня прорвалась сквозь цепь средневековых укреплений; Зарева, как партизаны, ползли по площадям. Улицы запружались опрокинутыми тенями, иные еще рубились в тесных проходах...* И в конце описания возникает образ сраженного шальной тенью, как шальной пулей, солнца, когда дню пришел конец: *День оборвался* (ср.: *жизнь оборвалась*).

Механизмом порождения образной семантики слова является и семантическая апликация — контекстное совмещение в пределах одной словоформы разных лексико-семантических вариантов слова или значений омонимичных слов. Прием семантической апликации можно наблюдать в использовании Б. Пастернаком слов *косой* и *косить*: первое из них воспринимается в прямом значении — «наклонный» (*Пизанская косая башня*), а значение второго слова соотносено и с семантикой слова *косой* (посредством ассоциации, т. е. имплицитно, с глаголом *косить* «делать косым, перекашивать, кривить»), и со значением «уничтожать, убивать» (*Пизанская башня косила наотмашь...*).

Имплицитным метафорическим контекстом, порождающим образное или символическое употребление слова, может быть фразеологизм или поговорка. Например, образное обращение в рассказе А. Куприна «Последний дебют» получает мотивацию в последующем контексте, оживляющем ассоциативные связи с устойчивым сравнением *кудрявый как баран* (о волосах человека): — *Послушай, ты, баранья голова, как тебя звать? — Кириллом, — отвечал, усмехаясь, кудрявый рослый парень*. Ср. также сложный метафорический эпитет в рассказе Т. Толстой «Лимпопо»: *Теперь Ленежка был ... небольшим, кривоногим юношей, с баранно-блондинной головой...*

Таким образом, ступенчатость в построении образных смыслов слова в художественном тексте обусловлена существованием метафорических контекстов разного объема, представленных в тексте эксплицитно или имплицитно. Образные смысловые приращения в слове могут появляться при употреблении его в словосочетании или в предложении, но символическое значение слово обретает, как правило, в контексте всего произведения, становясь его смысловой доминантой.

Литература

1. Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003.
2. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959.
3. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Что могут дать лингвистические корпуса описанию русского языка?

А. Мустайоки / Arto Mustajoki

Хельсинкский университет (Финляндия)

arto.mustajoki@helsinki.fi

Методология лингвистики, корпусная лингвистика

Summary. The paper deals with the most fundamental methodological issue of linguistics: on which basis can we say something about the features of a given language? Should it be on the basis of native-speaker intuitions or actual language use? The question has become increasingly important now that linguists have large linguistic corpora at their disposal.

«Язык как совокупность своих порождений отличается от отдельных актов речевой деятельности», писал в свое время В. Гумбольдт. Ф. де Соссюр различал язык (*langue*) и речь (*parole*), соединяя их под термином *langage*. Ноам Хомский ввел понятия компетенции (*competence*) и употребления

(*performance*). Это — кратчайшая история самого фундаментального вопроса лингвистики: где, собственно говоря, «находится» язык? Ответ на этот вопрос кардинальным образом влияет на методологию лингвистических исследований. На каком основании мы можем утверждать, что в

языке X есть те или иные языковые единицы, что в нем существует грамматическая категория, синтаксическая конструкция или лексема Y?

На этот вопрос существует два принципиально разных ответа: единица Y наличествует в данном языке, (1) поскольку согласно представлению носителей языка это так (акцент на интуиции); (2) поскольку носители языка употребляют ее (акцент на языковом материале). В обоих случаях необходимо определить источник лингвистической информации. При первом подходе спрашивается: мнение **каких** носителей языка принимается во внимание при определении *langue*, это интуиция самого лингвиста, близкого круга его знакомых или всех носителей языка (или же только тех, который представляют литературный язык). Второй подход поднимает вопрос: **какие** тексты представляют *parole* (устные ~ письменные, официальные ~ повседневные тексты ~ тексты признанных писателей и т. п.).

В большинстве случаев два указанных подхода (опора на интуицию или языковой материал) ведут к схожим результатам. И тот, и другой подтверждают наличие, например, в русском языке таких слов и словоформ, как *университет* или (*много*) *заводов*. Бесспорным является существование в русском языке таких грамматических категорий, как падеж и вид. Однако далеко не всегда ситуация такая простая.

Многие современные лингвисты (если нужно упомянуть чьи-то фамилии, то достаточно назвать Хомского и Падучеву) основывают свои описания языка (которые у этих авторов сильно различаются) на языковой интуиции; упрощенно говоря, они описывают *langue*, а не *parole* (узус). Активными исследователями *parole* всегда были и остаются историки языка и диалектологи по той простой причине, что, как правило, они не обладают интуитивным представлением о том языковом материале, который ими изучается; правда, раньше диалектологи иногда «исправляли» речь информантов, которые якобы не владели в достаточной мере изучаемым языковым вариантом. Вопрос о роли изучения употребления языка (*parole*, речи, дискурса, текста) стал намного острее после того, как языковеды получили доступ к использованию обширных электронных корпусов. Из-за этого именно теперь, когда языковые корпуса достигли объемов в миллиарды словоупотреблений, необходимость изучения *parole* получила особую значимость.

Чтобы показать сложность взаимосвязи работ ориентированных на *langue* и *parole*, возьмем следующий пример. Когда мы говорим о языке А. С. Пушкина, мы имеем в виду не абстрактную языковую систему или представления автора о правильности / неправильности в языке, а то, как автор *использовал* русский язык. Так, в строгом смысле, следовало бы говорить о *речи* (*parole*) Пушкина. Признанные писатели, конечно, представляют собой особый случай, поскольку, согласно русским традициям, они оказывали сильное (даже решающее) влияние на нормы языка. Таким образом, получаем формулу:

parole (узус) Пушкина ≈ *langue* (норма) русского языка того времени.

Если принять данную формулу как верную, открытой останется дилемма современного лингвиста: можно ли найти

языковые материалы (типа текстов Пушкина) отражающие современный русский язык (в смысле *langue*)? Сегодня у нас уже нет таких писателей, как Пушкин, зато в современном обществе весомую позицию в информационном пространстве заняли массмедиа; для письменного варианта языка — это пресса. Если это так, можно задаться вопросом: почему мы не находим в современных словарях русского языка глагол *поучаствовать*, который широко употребляется в современном русском языке: в текстах базы данных Интегрум (исключая устные и интернетовские материалы) он встречается 243000 раз. Это более чем в тысячу раз чаще, чем встречаются некоторые другие глаголы, регулярно отмечающиеся в современных словарях, такие как: *поистереть* (156), *покрахмалить* (12), *покрыкать* (114), *понохивать* (92 раз) (ср. [3]).

В области грамматики можно найти соответствующие примеры. Во многих грамматиках и справочниках русского языка пишется, что родительный падеж на -у вытесняется окончанием на -а. Далее следуют некоторые исключения из этого правила (фразеологические обороты типа *ни разу*, устная разговорная речь). А что здесь показывают данные, отражающие реальную ситуацию употребления форм родительного падежа в современной прессе (ср. [3])? Уменьшение доли родительного падежа на -у, действительно, имеет место в современном русском языке, но это касается только некоторых контекстов, например, *стакан чаю* уже практически не говорят и не пишут. Однако в некоторых других контекстах никакого вытеснения этой формы не происходит. Почти никто не говорит *Народа было много* или *выпили чая*.

Как относиться к приведенным данным при составлении словарей и грамматик современного русского языка? Основных возможностей три:

Игнорировать их по той причине, что они представляют *parole* (узус), а в словарях и грамматиках описывается *langue*.

Взять данные лингвистических корпусов за основу для составления словарей и грамматик по принципу:

parole современной прессы ≈ *langue* русского языка нашего времени.

Использовать корпусные данные в качестве дополнительной информации, которая учитывается в словарях и грамматиках, но которая не диктует их содержание.

Литература

1. *Коптев М., Мустайоки А.* Современная корпусная лингвистика // Инструментарий русистики: корпусные подходы / Под ред. А. Мустайоки etc. Хельсинки, 2008 (= *Slavica Helsingiensia*. 34). S. 7–24 (<http://www.slav.helsinki.fi/publications/sh/sh34/2.pdf>).
2. *Мустайоки А., Пуссинен О.* Почему народу много, или новые наблюдения над употреблением второго родительного падежа в современном русском языке // *Integrum: точные методы и гуманитарные науки*. М., 2006. С. 50–75 (http://www.helsinki.fi/~mustajok/pdf/integrum_ru.pdf).
3. *Мустайоки А., Пуссинен О.* Об экспансии глагольной приставки ПО- в современном русском языке // Инструментарий русистики: корпусные подходы / Под ред. А. Мустайоки etc. Хельсинки, 2008 (= *Slavica Helsingiensia*. 34). С. 247–275 (<http://www.slav.helsinki.fi/publications/sh/sh34/16.pdf>).

О взаимодействии именных и глагольных категорий в предложении и в тексте

Е. Н. Никитина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

yelenon@mail.ru

Семантика, морфология, грамматические категории, определенность / неопределенность, индивидуальность, субъект, залог глагола

Summary. The talk discusses semantic effects that result from mutual intra- and inter-level action of different categorical meanings. The idea that is proposed is that some categorical interaction that may be found in texts would reflect some similar interaction that realizes in the language system.

1. Проблема межкатегориального взаимодействия известна и обсуждается в современной русистике. Прежде всего, ею занимается петербургская грамматическая школа под руководством А. В. Бондарко. Коллектив ТФГ, закончив выпуск серии томов, посвященных последовательному представлению грамматических категорий, где вход в систему открывается «от значения к форме», поставил задачу изучения грамматических категорий в их комплексах.

2. Сама постановка вопроса о поликатегориальном единстве обусловлена потребностью преодолеть чисто морфологический подход описательной грамматики. Логика грамматического процесса предполагает разделение и изолированное описание категорий на начальных этапах и соединение в описании двух или более категорий на последующих этапах развития науки. Классический пример — история изучения категорий вида и времени, которая вступила в фазу

дискурсивного анализа, соединяющего вид, время и лексическую семантику глагола (тип предиката).

3. Соединение глагольной и именной проблематики в лингвистических исследованиях происходило прежде всего в связи с проблемой синтаксической деривации (Ш. Балли, Л. Теньер, Е. Курилович и др.). В истории русской грамматической науки в связи именной и глагольной проблематикой обсуждались смешанные части речи (причастие, деепричастие), частеречный статус инфинитива и категории состояния, соединяющей именную корень и глагольную функцию.

4. Взаимодействие именных и глагольных категорий на уровне предложения было Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым: авторы дали интерпретацию грамматической семантики предложения с помощью суперкатегории «пространственно-временная локализация», которая понимается как семантический результат соотношения семантики именной группы с точки зрения ее референциальных характеристик с временной характеристикой предиката — тем самым соединение семантики числа как именной категории и семантики времени дает тип предиката (эпизодические и гномические предикаты).

5. Однако задачи, решенные в работе Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, не захватывали говорящего, а тем самым в интерпретацию синтаксических отношений не попадала категория лица как категория субъективно-объективная по А. М. Пешковскому. Интересно, что, по классификации Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, предикаты в предложениях *Лошади питаются овсом* и *Люди смертны* образуют один класс — гномических предикатов, в отличие от, например, интерпретации Коммуникативной грамматики, по которой приведенные высказывания распределяются по разным коммуникативным регистрам — первое — констатация факта (информативность, узуальное время, итеративность), второе — сентенция, генеритивный регистр, дифференциальными признаками которого являются всеобщность времени и инклюзивность субъекта речи в состав диктального субъекта.

6. Другим вариантом линейного взаимодействия именных и глагольных категорий занимается Ханс Роберт Мелиг, интерпретируя вид через категорию количества, которая по закону семантического согласования реализуется в именной и глагольной составляющей: *он читает толстые журналы* — мн. ч. взаимодействует с категорией вида, давая значение многократности, в отличие от *он читает толстый журнал*. Множественное число обнаруживает предикат качества и создает ограничение в видообразовании.

7. Языковые явления могут получать интерпретацию за счет подъема категории на вышестоящий уровень языковой системы. При этом семантика грамматической формы взаимодействует с синтаксической семантикой предложения. Таковы синтаксические категории, которые получены в результате возведения частеречных глагольных категорий на уровень предложения и текста. Уже у А. А. Шахматова, а позже в академических грамматиках мы увидим такие

понятия, как синтаксическое время, синтаксическое наклонение, синтаксическое лицо, которые являются результатом взаимодействия грамматического значения словоформы и синтаксического значения конструкции. В книге «Теоретическая грамматика французского языка» В. Г. Гак говорит о коммуникативных категориях высказывания, в состав которых попадают категории лица, времени и вида, характеризующие пространственно-временной дейксис, и модальности, участвующей в выражении «соответствия предикцируемого признака действительности»; морфологические категории при этом выступают как ядро синтаксических категорий, которые, однако, «выражаются более разнообразными средствами и обладают более широкой семантикой».

8. Категориальные значения могут осмысливаться и на уровне текста. Так, виноградская категория «образа автора» может быть понята как возведенная на уровень текста категория лица (или, шире, субъекта); результатом возведения на уровень текста категорий модальности и времени является понятие коммуникативного регистра, которое используется в КГ для интерпретации текста.

9. Если категории глагольной морфологии дают базу для синтаксического времени, наклонения, лица, то такие семантические категории, как индивидуальность / неиндивидуальность, определенность / неопределенность базируются на взаимодействии лексической семантики имен и категории числа, приобретая осмысление в условиях предложения и текста.

10. На именную и глагольную грамматическую семантику может накладываться некоторая граммема, что приводит к особому межкатегориальному взаимодействию, которое можно назвать поликатегориальным комплексом. Так, страдательный залог на базе возвратных глаголов оживляет отношения в сфере «неиндивидуальность / неререферентность субъекта действия — итеративность», а с ними — эксклюзивную позицию субъекта речи. Обнаружение семантического поликатегориального комплекса может давать объяснение ограничений парадигмы: в случае залога это затрудненность построения форм с 1-м лицом предикцируемого субъекта, а также формы сов. в. В первом случае затруднение связано с тем, что Я-субъект находится на шкале индивидуальности выше, чем неререферентно-групповой; во втором — совершенный вид с предикацией к объекту действия выявляет семантику неконтролируемости, которая исключает акциональность как характеристику категории действия, тем самым страдательность разрушается. Сказанное, однако, не исключает использования затрудненных форм в связи с особыми авторскими стратегиями в художественном тексте.

11. Тем самым перед исследователем встает задача выявления функционально-текстовой предназначенности категории и категориального комплекса; очевидно, жесткость категориального фильтра и ограниченность сферы бытия категориального комплекса прямопропорциональны. А следовательно, идея взаимодействия граммемы с семантическими категориями может быть продуктивна в области исследования «центра и периферии грамматической системы».

К вопросу об иллокутивной семантике подчинительных союзов

Н. К. Онипенко

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

onipenko_n@mail.ru

Синтаксис, семантика, сложноподчиненное предложение, модус, подчинительный союз, иллокутивный союз

Summary. The talk deals with the complex sentences organized with help of such Illocutionary conjunctions as *раз, если, коль*. The idea that the semantics of these conjunctions should be interpreted on the base of modus categories.

1. Основным героем работ современной лингвистики стало значение, что позволяет видеть язык не в пустых формулах, а в осмысленном речевом воплощении, не ограничиваться одним уровнем или одним объектом, а соединять системное представление языка с тонким семантическим анализом предложений и текстов.

2. Семантика строевых слов принадлежит конструкции, а это значит, что исследователь должен обосновать выбор одной конструкции как условий реализации первичной функции союза и другой как условий появления комбинаторного варианта. Ситуация становится более трудной, когда предметом исследования становятся логические союзы, так как семантика этих союзов соединяет объективное вре-

менное следование событий и их субъективную подачу говорящим.

3. При интерпретации логических союзов (причинных, условных, уступительных, целевых) принято различать собственно- и несобственно-причинные, собственно- и несобственно-условные, собственно- и несобственно-целевые значения. «Несобственно» как первая часть терминов нередко связана с опущенной модусной рамкой (*Дома никого нет, потому что свет в окнах не горит* = 'Я считаю, ... , потому что вижу...'). Подобные предложения привлекали к себе внимание (например, В. В. Виноградова) тем, что с точки зрения естественного детерминизма в них «перевернутые» временные отношения.

4. Л. Н. Иорданская, а вслед за ней Е. В. Падучева, рассматривая примеры из разговорной речи, предложили говорить о наличии у союза особой семантики — иллокутивной. Это означает, что придаточные являются обоснованием речевого акта, а не объяснением события. В. З. Санников сужает термин «иллокутивный союз», подводя под это понятие только те примеры, которые характеризуются отсутствием объективной связи между двумя пропозициональными составляющими сложноподчиненного предложения [1: 59]: *Если верить приданиям, прадед наш был человек богатый; Раз ты любишь поговорки, то не в свои сани не садись.* Хотя сама идея В. З. Санникова интерпретировать иллокутивность как один из видов эллипсиса совершенно правильно, сужение термина не представляется оправданным, поскольку иллокутивная сущность обнаруживается даже тогда, когда временная рядоположенность существует (*Солнце выглянуло, поэтому снег растаял — Если солнце выглянуло, то снег растаял — Раз солнце выглянуло, (значит) снег растаял, но: [?]Раз солнце выглянет, то снег растает — последнее высказывание могло бы читаться так: 'Раз ты говоришь, что солнце выглянет, то я уверен, что снег растает'*).

5. Соответственно, можно говорить, как минимум, о двух *потому что*, двух *если*, для которых второе значение — иллокутивное — оказывается комбинаторным вариантом. При собственно-причинном или собственно-условном употреблении две предикативных диктальных единицы соотно-

сятся с одним модусом, логические же отношения не противоречат естественному временному развитию событий (работает категория таксиса). Иллокутивное значение «выключает» таксис, что становится возможным потому, что логические союзы соединяют не диктальные составляющие предложения, а их невербализованные (нелексикализованные) модусные части, при этом модусы не совпадают по типу (считаю ... , потому что вижу; считают ... , потому что знаю).

6. Хотя В. З. Санников делит большинство союзов на неиллокутивные и иллокутивные, и в том числе союз *раз*, который, с точки зрения В. З. Санникова, может образовывать как иллокутивные, так и условные конструкции, выдвинем предположение (согласаясь с Л. Н. Иорданской), что союз *раз* специализируется именно на иллокутивной функции, она для него первичная и основная. Различие состоит в том, что союз *раз*, вводя придаточное, взаимодействует не только с модусной составляющей главного предложения, но и с модусом предшествующего предложения; союз организует диалогически обусловленные высказывания.

7. В докладе будут изложены аргументы в пользу интерпретации союза *раз* и других логических союзов в связи с модусными составляющими семантики сложноподчиненного предложения.

Литература

1. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.

Способы организации композиционного пространства текста

Н. В. Панченко

Алтайский государственный университет (Барнаул)

panchenko@list.ru

Композиция, пространство текста, центрированность, множественность

Summary. Y. Grishkovets's texts space is a structural space with the characteristics of centralization and orderly multiplication. Compositional text variants making this space are in synonymous and / or hierarchic relationships.

Текстовое пространство есть конструируемое в процессе коммуникации между текстом, автором и читателем общее пространство взаимодействия, задаваемое и актуализируемое единицами текста, распознаваемое всеми субъектами коммуникации как точки этого пространства. Понятие текстового пространства может быть рассмотрено в нескольких значениях: 1) пространство, творимое в тексте — хронотоп; 2) пространство, которое занимает текст; 3) пространство текста-конструкта. Понятие композиционного пространства соотносится прежде всего с последним значением текстового пространства. Такая трактовка композиции трансформирует линейное представление о ней как о единственно возможном способе навигации в тексте: движении от начала к концу текста. Современное представление о композиции согласуется с современными взглядами на текст как на явление динамическое, коммуникативное, складывающееся в процессе письма / чтения. В этом процессуальном смысле композиция отличается от архитектоники (тоже имеющей пространственное измерение, но только во втором значении — как конфигурация плоскостного пространства).

Пространство композиционного построения обладает определенными характеристиками. Во-первых, характеристической особенностью, возникающей вследствие множественности композиционных вариантов, имеющих точки пересечения в различных местах текстового пространства; разнонаправленности текстовой композиционной организации; несводимости всех композиционных вариантов к одному генерализирующему. Во-вторых, наличием центра или центров взаимодействия различных композиционных вариантов (классические тексты тяготеют к наличию одного центра; у неклассических современных текстов чаще более одного центра, вплоть до полного расфокусирования текста).

Пространство композиционного построения задается следующими параметрами: границами текста (внешние / внутренние), которые носят относительный характер; взаимодействием композиционных вариантов; маркированностью стратегий композиционного построения; многовекторностью композиционного построения текста.

Наличие различных способов организации композиционного пространства текста фиксирует, по крайней мере, два полюсных типа композиционного пространства:

- центрированное, когда есть точка схождения различных композиционных вариантов (это может быть точка пересечения и фокус, иерархически организующий все относительно самостоятельные композиционные варианты, находящиеся в отношениях сводимости / несводимости).
- рассеянное, когда точек схождения и / или пересечения не наблюдается, либо они носят эпизодический, случайный характер, что ведет к невозможности иерархизации вариантов композиционного построения текста.

К центрированному типу относятся, как правило, классические тексты, а к рассеянному тяготеют тексты современной литературы. Однако такое распределение не является абсолютным. Например, рассказы Е. Гришкова можно расценить скорее как центрированные, хотя и им присуща множественность композиционного построения.

Так, в рассказе Е. Гришкова «Спокойствие» один из вариантов композиционной организации актуализируется практически в начале текста в пространстве абзаца, внутри которого почти полностью отсутствует развитие темы, реализующееся через бесконечное возвращение к предыдущему (*А вот Дима все лето просидел в городе. Разумеется, он не сидел все лето, просто, если человек пробыл все лето в городе, даже без удовольствия и без пользы, все равно говорится «просидел». Так и Дима говорил всем: «Да какое там! Все лето в городе просидел!»*). За счет соотношения первого и второго предложения актуализируется два ЛСВ слова «просидеть» со всеми оттенками их значений (1. 'Провести какое-либо время сидя || Провести какое-либо время в сидячей работе над чем-либо || Пробыть где-либо какое-либо время, отбывая наказание || Пробыть какое-либо время в каком-либо состоянии, положении'; 2. 'Оставаться, пробыть где-либо в течение какого-либо времени'). Отрицание первого значения основного глагола на самом деле осуществляет его ввод в контекст и образует нереализованную нейтрализацию всех значений и оттенков значения данного глагола. Именно поэтому в последнем предложении абзаца уже одновременно соприсутствуют все значения этого слова. Данный актуализатор задает один из основных вариантов композиционного построения текста: Дима действительно все лето просидел в городе во всех значениях этого слова: он закрылся в квартире, устроился на диване, даже не

всегда выбирался за продуктами (просидел на диване; просидел в квартире; просидел дома; просидел в городе, просидел без движения, просидел на диване — третье значение слова «просидеть»). По сути, текст реализуется как развертывание всех значений глагола «просидеть», отдельные контексты которого представляют реализацию одно из ЛСВ слова. В тексте не устраняется полисемия, а напротив, вводятся все новые и новые ЛСВ. В дальнейшем в тексте реализуются все эти ЛСВ и оттенки глагола «просидеть» за счет варьирования актантов. Дима именно *просидел* у телевизора на диване, он свил себе гнездо. С другой стороны, он находился в городе все лето; он не выходил из квартиры («сидеть взаперти»).

Другой вариант композиционного построения текста, синонимичный первому, — это реализация антонимичных признаков 'дело / безделье', которые актуализируются практически в начале текста: *А сам осталась в городе... по делам*. В следующем абзаце дела постепенно превращаются в полную их противоположность: *«Дела в самом деле были, причина остаться в городе и поработать была весомая, и всяма, но к середине июля город совершенно расплавился от жары, никакие вопросы не решались, и намеченные на лето дела замерли. <...> И Дима к концу июля впал в безделье, в котором дни ползут изнуриительно медленно, а время летит*

непостижимо быстро. Особенность данного антонимического противопоставления состоит в том, что реализуется оно не через антитезу, а через постепенное замещение крайних членов предикатного ряда (дело — безделье) в процессе движения по этой оси. Это движение продолжается и далее в тексте, что превращает безделье в настоящее дело, которому Дима отдается самозабвенно и даже проявляет по этому поводу определенную активность.

Два представленных синонимичных варианта композиции иерархически включаются в еще один, организуемый признаком 'неуверенность': *Погода была такая, что ни в чем нельзя быть уверенным; почти все друзья и др. Дима не то чтобы сидел в городе, не то чтобы бездельничал, и не то чтобы работал, и не то чтобы не выходил из дома, он пребывал в состоянии неуверенности*. Вариантами этой неуверенности выступает признак 'дело / безделье' и признак 'просидеть'.

Таким образом, композиционное пространство анализируемого рассказа — это структурированное пространство, обладающее ярко выраженным признаком центрированности с сохранением признака упорядоченной множественности, в отличие от большинства современных текстов, обладающих признаком диффузной организации пространства (см., например, рассказы Т. Толстой, Л. Улицкой, В. Пелевина и др.).

Аспекты речевой деятельности в нарративном тексте начала XX века

Л. А. Петрова

Крымский инженерно-педагогический университет (Симферополь, Украина)

liza_nada@mail.ru

Речевая деятельность, акустический аспект, императивный аспект, коммуникативный аспект

Summary. The aspects of vocal activity in satiric-humorous stories of began of XX century are examined. Conclusion about predominance of vocal situations in which talking expresses the ideas without an address to the interlocutor is drawn.

Л. М. Васильев, определяя денотативную ситуацию речемыслительной деятельности, выделил следующие ее составляющие: 1) говорящий, 2) слушающий, собеседник, 3) процесс произношения (или написания), 4) процесс выражения мысли (а также чувства и воли), 5) процесс сообщения мысли и в связи с этим обращение к слушающему, речевой контакт, 6) объект (содержание) речи, 7) характеристика процесса или объекта речи. Причем, первые пять факторов являются обязательными, а остальные — факультативными [2: 4].

В центре нарративного текста находится значимое событие, организующее все остальные факты, необходимые для его описания. Как показал анализ, в сатирико-юмористических рассказах начала XX века о таком событии повествуют персонажи или автор. Поэтому денотативная ситуация речевой деятельности в них сегментируется чаще как процесс произношения или процесс сообщения мысли.

Из шести значений ядерного глагола *говорить*, зафиксированных МАСом, в исследуемом материале функционируют три: «1. // Владеть каким-л. языком. 2. Выразить в устной речи какие-л. мысли, мнения, сообщать факты и т. п.; произносить что-л. 3. Вести беседу, разговаривать». Самым частотным является второй ЛСВ: *Чем больше выводили коров, тем больше оживлялся Степан. — Нам бы только беднейших поставить на ноги, — говорил он суетливо* (Романов, Рябая корова). — *Ты ничего не понимаешь, Варя, — печально говорил отец и шел в сарай делать парход* (Аверченко, Отец).

Акустический аспект репрезентирован лексемами, в семантической структуре которых функционируют семы, характеризующие звуковую сторону речевой деятельности по силе голоса. '**Тихо**': *шелестеть* — «говорить тихо»: *Мишка в паническом ужасе посмотрел на околоточного и прошепестел. — Я... слушаюсь* (Аверченко, Мученик науки); *шептать*₁ — «говорить, произносить очень тихо, шепотом» (*Мотыка смотрел на помощника счетовода глазами, полными любви и пугливого преклонения, и шептал пересохшими губами. — А сколько... вы вообще человек... уложили? (Аверченко, Страшный человек) — Что из этого? — говорит он <дяденька> жутким шепотом* (Тэффи, Политика воспитывает). '**Громко**': *кричать*₄ — «громко, резко говорить, браня, выговаривая и тому подобное; орать»: *Медикус отнял у мужика возжи, кричал и ухал на лошадь, которая отмахивалась от него хвостом* (Тэффи, Сердце);

голосить — «громко кричать»: *Потом он [Принцметалл] размахивал руками и голосил о своих успехах. Цифры вылетали из его рта, огромные, как птичьи стаи, и во рту же колесом вертелось слово — «червонец»* (Ильф, Принцметалл); *вопить*₁ (разг.) — «громко, неистово кричать»: (...*вдруг, уже в четверть одиннадцатого, раздался громкий звонок — и в комнату влетел маленький, чернявый господинчик, в пальто и шапке. — Где мадамэль Котомко? Где? Боже ж мой! — в каком-то отчаянии завопил он* (Тэффи, Концерт).

Семы, репрезентирующие акустический аспект, взаимодействуют с компонентами, вербализующими императивный аспект. В результате глагольные единицы не только реализуют акт воздействия на слушающего, но и передают настроение говорящего, его психическое или физиологическое состояние. Ср.: *гремять*₁ — «говорить громким, возбужденным голосом, с жаром или гневом»: *На сцене стоял, жвав кулаки, городничий, а перед ним на коленях кутцы. — Так — жаловаться?! — гремел городничий* (Аверченко, «Аполлон»); *барабанить* — «громко и быстро говорить»: ...*можно вам еще чаю, вот это варенье очень вкусное, я его сама варила, только у Абрикосова, а у Балабухи такого нет, — не переводя дыхания отбарабанила она* (Тэффи, Нелегкая); *визжать* — «издавать визг, визгливо кричать»: — *Куш... кушайте! — сверкая безумными глазами, взвизгнул хозяин* (Аверченко, Широкая масленица).

Метафорические переносы отражают связь речевой деятельности и звуковой характеристики животных или птиц. Лексемы с метафорическим значением актуализируют не только акустический, но и коммуникативный и императивный аспекты: *лаяться* — «браниться, ругаться»: *Нечего вылизывать, сдавай тарелку и уходи, — кричал старый бритый лакей, с грязной, как тряпка, салфеткой, на маленького обросшего солдатика, который взял тарелку в обе руки и вылизывал языком остатки. — Чего лаешься, нужна мне очень твоя тарелка* (Романов, Блаженные); *блеять* — «говорить, произнося слова невнятно, растягивая, напоминая звуки козы, овцы»: — *Зачем ты звонишь, — блеет в трубку смущенный Кулич* (Тэффи, Кулич); *квакать* — «говорить, произнося слова открыто, невнятно, напоминая звуки лягушки»: *Хацкин подошел к столу, решительно опустился на стул, закинул ногу на ногу и заложил руку за борт пиджака. — Слушайте и знайте, — сказал он. — Я — монархист. — Как-с? — испуганно квакнул Ванин* (Тэффи,

Монархист); **крякать** — «говорить отрывисто, горловыми звуками, наподобие утки»: *Тяжелая лапа поймала ее за плечо и подняла с полу. — Балуи, балуи, — закрякала Варвара. — Вот уже придешь домой, мама тебе задаст* (Тэффи, Подземные корни); **кудахтать** — «говорить бестолково и взволнованно»: — *Петя пошел к заутрени во все церкви сразу, — отвечал дүэт. — Я говорила, что мама рассердится, а он говорит, что он не просил вас, чтобы вы его рождали, и что вы не имеете права вмешиваться. — Ах, дрянь эдакая! Ох, бессовестный! — закудахтала мать* (Тэффи, Семья разговляется). Метафорические переносы характерны для единиц, номинирующих речевую ситуацию, в которой говорящий выражает свои мысли с эмоциональ-

ной напряженностью (сердится, волнуется и т. п.), что позволяет отразить не только акустические особенности пересказа, но и черты его характера.

Модель речевой деятельности в нарративе начала XX века репрезентирует эстетический код эпохи, «хранит память о национальном этическом и эстетическом идеале говорящего» [1: 144].

Литература

1. Антонова С. М. Глаголы говорения — динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации. Гродно, 2003.
2. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М., 1981.

Русский модус (лингводидактический аспект)

У. Райс

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

uarice@gmail.com

Модус, лингводидактика, наречие

Summary. The goal of this paper is twofold: to define the term *modus*, as related to pragmatics, connotation, and evaluation, and to identify how *modus* is expressed in Russian in order to provide guidelines for teaching its use for English speakers learning this language. Six main techniques for expressing modal meanings have been identified so far: through vocabulary, grammar, word-formation, intonation, theme and rheme, and context. The secondary goal of this paper is to determine which methods for expressing modal meanings are primarily implicit or explicit. The main criterion for choosing research material is the potential for foreigners to misinterpret the meaning of native speakers in specific contexts, as the meaning expressed is entirely or partially dependent upon *modus*.

Концепция модальности была введена Ш. Балли и получила дальнейшее развитие в работах М. В. Всеволодовой, Г. А. Золотовой, Т. В. Шмелёвой и др., где выделяется субкатегория модальности — модус. До сих пор не существует единого мнения, что такое модус, а главное, как он соотносится с понятиями прагматики, коннотации и оценки. Цель нашей работы двояка: во-первых, определить, что такое модус, через его взаимодействие с вышеупомянутыми явлениями, и, во-вторых, выявить способы выражения модуса в русском языке для лингводидактических целей в англоязычной аудитории.

Нами выделены шесть способов выражения модуса в русском языке: лексический, грамматический, словообразовательный, интонационный, коммуникативный (тема-рематический) и контекстуальный. В лексическом способе мы выделяем как перспективы для исследования слова и словоформы: наречия (*далековато, вечно — всегда*), модусные частицы (*ну, вот, уж*), вводные слова (*к счастью, к сожалению*), слова, содержащие оценку в своей дефиниции (*припереться, облажаться*), и слова, используемые в переносном значении (*автобус ползет*). Грамматически модус может выражаться с помощью вида глагола: *И не говорите* (согласие) и *Не скажите* (несогласие) — и отрицания: *Ты не пойдешь со мной гулять?* (приглашение погулять), *Вы не подскажете, который час?* Словообразовательный способ, в основном, использует суффиксы и приставки, он активно употребляется в ситуациях, требующих вежливости, при выражении просьбы: *Мне, пожалуйста, чашечку кофе. Вы не подскажете дорогу? Позвоните мне вечером*, а также в наречиях, выражающих оценку говорящего: *далековато*,

давненько, частенько. Интонация, а точнее интонационные конструкции (ИК), разработанные Е. А. Брызгуновой, играет не только смыслообразующую роль в высказывании, но несет также модусную информацию: *Какой отличник! Какой отличник!* Перенос слова в рему в русском языке может быть способом выражения модуса. Ср.: *Нам нечего есть и Нечего ей есть перед сном! Она и так толстая*.

Второстепенной целью работы является разделение всех способов выражения модусных смыслов на имплицитные и эксплицитные.

В нашей работе критерий отбора материала — это потенциальное непонимание или неверная интерпретация иностранцами той части русских высказываний, дифференциальным значением которых является модус. С помощью противопоставления способов выражения модуса в русском и английском языках мы надеемся выработать алгоритм для их преподавания в англоязычной аудитории.

Литература

1. Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М., 1977.
2. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
3. Панков Ф. И. Некоторые вопросы преподавания русской грамматики и лексики в свете национальной языковой картины мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 2. С. 95–101.
4. Панков Ф. И. Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия (на материале категории адвербиальной темпоральности). М., 2008.
5. Шмелёва Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания. Дисс. в виде научн. докл. ... докт. филол. наук. М., 1995.

Семантико-прагматическая характеристика побуждения к совместному действию и средства его выражения в русском языке

Ц. Саранцарал

Монгольский государственный университет (Улан-Батор, Монголия)

ts_sarantsatsral@yahoo.com

Побуждение, говорящий, адресат, исполнитель каузируемого действия, семантико-прагматические разновидности

Summary. The paper gives the semantic-pragmatical characteristic of prompting to joint actions and means of its expression in Russian language. The speech act of prompting to joint action is original on meaning and on expression means.

Речевой акт побуждения к совместному действию своеобразен по значению.

Если попытаться обобщить суждения ученых по поводу разграничения видов побуждения, то становится ясно, что в современной русистике найден комплекс дифференциальных признаков, выделяемых на основе анализа коммуникативной ситуации побуждения, но соотносительная значи-

мость отдельных дифференциальных признаков не установлена с необходимой обоснованностью.

Особенно существенно то, что в имеющихся классификациях видов побуждения должным образом не учитывается важный признак — тот, кто предполагается в качестве исполнителя каузируемого действия. В рамках побуждения в узком смысле, т. е. волеизъявления, непосредственно адре-

сованного собеседнику, по тому, кто выдвигается на роль исполнителя действия, различаются два типа побуждения:

1) побуждение к действию второго лица, когда говорящий непосредственно побуждает к совершению действия адресата речи, т. е. исполнителем каузируемого действия планируется адресат;

2) побуждение к совместному действию 1-го и 2-го лица, когда в совершении каузируемого действия планируется участие самого говорящего вместе с адресатом, т. е. в качестве исполнителя действия выступают совместно говорящий и его собеседник.

Настоящий доклад посвящен семантико-прагматическому описанию речевого акта побуждения к совместному действию, т. е. волеизъявлению говорящего (далее Г), предполагающему их совместное с адресатом (далее А) исполнение каузируемого действия и его средствам выражения в русском языке.

Определяющей чертой коммуникативной ситуации побуждения к совместному действию является полное равенство ее участников (Г и А) в процессе общения и следующем за ним процессе исполнения каузируемого действия: они оба заинтересованы в его осуществлении, одинаково участвуют в нем и одинаково несут ответственность за его последствия.

В тех случаях, когда эти условия не соблюдаются, имеют место побудительные речевые акты других типов. Так, не является побуждением к совместному действию стандартная реплика стража общественного порядка, адресованная к его нарушителю: *Гражданин, пройдите!* Это приказ — социально обусловленное побуждение, направленное «сверху вниз» и опирающееся на сознание права и обязанности, диктуемых Г и А общественным установлением. Оба участника коммуникативной ситуации, осуществляя каузируемое действие, будут вести себя внешне одинаково (пройдут в определенном направлении), по существу же А «пойдет» (по принуждению), а Г «поведет» А (по обязанности).

Равенство участников в коммуникативной ситуации определяет семантический потенциал соответствующего класса побудительных высказываний. Этот тип побуждения обладает значительно большей внутренней целостностью, чем побуждение А к действию. В границах последнего типа выделяется на разных семантико-прагматических основаниях ряд разновидностей: приказ, запрещение, разрешение; просьба, требование; совет, предостережение. Каждая из этих разновидностей, в свою очередь, может быть разделена на более мелкие подклассы. В границах же побуждения к совместному действию есть основание различать лишь два подкласса — две семантико-прагматические разновидности, которые можно назвать **приглашением и призывом**.

Приглашения имеют место преимущественно в неофициальной обстановке и реализуются в стимулирующих реп-

ликах диалога. И Г, и А в этом случае — конкретные люди. Например: *Давай(те) погуляем, пока магазин закрыт. / А не погулять ли нам пока магазин закрыт?*

Призывы же имеют место только в официальной речи митингового типа, они реализуются в специфическом речевом жанре лозунга, для которого характерно не конкретное, а обобщенное представление Г и А.

Призыв-лозунг — это побудительное высказывание, составляющее цельный текст, произведение монологической речи, имеющее целью воздействовать на эмоции, разум и волю обобщенного А. Например: *Ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству!* (Ильф и Петров), *Призываем к всеобщей забастовке!*

Побуждение к совместному действию может выражаться предложениями разной структуры. Сравним: *Давай пойдём в кино. Пошли в кино! Не пойти ли нам в кино? Предлагаю пойти в кино.*

Речевой акт побуждения к совместному действию своеобразен и по средствам выражения.

Однако круг средств выражения побуждения к совместному действию более узок, чем круг средств, выражающих побуждение к действию.

Специфическими, т. е. специально ориентированными на выражение побуждения к совместному действию, в русском языке являются две характерные для этого типа побуждения конструкции: 1) предложения с формами 1 л. мн. ч. буд. времени изъявительного наклонения глаголов сов. и несов. вида; 2) предложения с формами с частицей *давай(те)* и 1 л. мн. ч. буд. времени изъявительного наклонения глаголов или с инфинитивом; 3) перформативные предложения.

Для выражения этого класса речевых актов могут использоваться и **неспецифические конструкции**: предложения с глагольными формами мн. числа прош. времени изъявительного наклонения, а также отрицательные конструкции вопросительных предложений.

В докладе автор будет останавливаться подробно на рассмотрении специфических и неспецифических конструкций, выражающих побуждение к совместному действию.

Литература

1. Белошапкина В. А., Саранцаирал Ц. Выражение побуждения к совместному действию в русском языке // Русский язык за рубежом. 1994. № 4. С. 55–59.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
3. Немешайлова А. В. Повелительное наклонение в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982.
4. Саранцаирал Ц. Речевые акты побуждения, их типы и способы выражения в русском языке. Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1993.
5. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986.

Событийность текста: модус, диктум, фабула, сюжет

О. Е. Фролова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

olga_frolova@list.ru

Событие, семантика, текст, диктум, модус, акциональный предикат, личный субъект, контролируемость, обратимость, ожидаемость, авторский текст, фольклорный текст, погашение событийности

Summary. In the paper the semantic and grammatical characteristics of a concept «event» are viewed. A syntactic nature of an event depends on characteristics of a subject and predicate. A predicate is usually expressed by the past tense forms of perfective verbs, denoting action. An event «is composed» by objective (dictum) and subjective (modus) parts. The author marks out 3 types of events: a) verbal, b) nonverbal, c) one being reflected in a speech of a personage.

К термину *событие* обращаются несколько филологических дисциплин: семантика, логический анализ языка, грамматика и нарратология. Событие — «то, что произошло, случилось, значительное явление, факт общественной или личной жизни... // О том, что представляет собой выдающееся происшествие, явление, выходящее за рамки обычного течения жизни» [10, т. 3: 173].

Событие связано акциональностью, фактивностью, с семантикой глагольного вида, выражается преимущественно глагольным сказуемым и как термин включено в различные типологии предикатов [6]; [3]; [9]; [11]; [4]; [2]; [7]; [8]; [1].

Синтаксическая природа события зависит от средств выражения субъекта и предиката.

Событие является основой художественного нарратива и составляет фабулу текста. Инверсия событийного ряда формирует сюжет.

Тексты разных жанров различаются по нескольким характеристикам:

- 1) особенностям предиката — *контролируемость / неконтролируемость, обратимость / необратимость, ожидаемость / неожиданность;*
- 2) типам субъектов — *личных / неличных, одушевленных / неодушевленных;*
- 3) пропорции *диктумных* и *модусных* составляющих события;
- 4) *вербальному / невербальному* содержанию события;

5) мере включенности события в причинно-следственную цепь;

б) возможности / невозможности инвертированного изложения событийного ряда.

Диктумная составляющая определяется предикатом и его актантами, а модусная — значимостью для говорящего.

Чтобы происшествие или случай были бы признаны событием, они должны быть завершены, вычленены из жизненного потока, т. е. соотноситься с глагольным предикатом прошедшего времени СВ.

Событие в значительной мере субъективно: таким статусом может быть наделена практически любая значимая ситуация.

При диктумной интерпретации события организованы акциональными диктальными предикатами в причинно-следственную последовательность, объективно отражающую некое положение дел, при модусной — такая цепь выстраивается в сознании субъекта модуса.

Событие фиксируется на временной шкале и меняет ситуацию и ее участников [2]; [5].

Характеристика *ожидаемости / неожиданности* предполагает участие субъекта модуса. Параметр *случайности* отмечает у события Апресян [1: 83]. Здесь возможны два варианта: а) ожидаемое событие и непредвиденный результат; б) неожиданное событие и непредвиденный результат.

Параметр *обратимость / необратимость* касается интерпретации темпоральных параметров события: так для героя волшебной сказки события мыслятся как обратимые.

Событие связано с оценкой, при этом не важен ее вектор (+ / -), существенное признание субъектом модуса *важности* происшедшего.

Фольклорные и авторские нарративы различаются по характеру субъектов: в былинке и в волшебной сказке — личный (в некоторых случаях — неличный одушевленный) субъект, для авторского текста подобная закономерность не наблюдается.

В зависимости от интерпретации статуса события в пределах одного жанра различаются три типа событий: а) невербальные, б) вербальные события и в) события, отраженные исключительно в речи персонажа. Так в анекдотах сценах присутствуют только вторые и третьи.

По характеру изменения, события могут быть внешними и внутренними. Внешнее событие «организовано» диктальным акциональным предикатом (*встретить*). Способы выражения внутреннего события зависят от композиции текста

и выбора субъекта речи в 1 л., 3 л. ед. ч. или несобственно-прямой речи. При первоначальном повествовании внутренне событие выражается модусными глагольными предикатами (*понять, казаться, увидеть*). При повествовании от 3 л. ед. ч. внутреннее событие выражается глаголами, описывающими мимику и жесты человека. Происшествие с неличным или даже неодушевленным субъектом может послужить не причиной, а внешним катализатором внутреннего события — изменений в сознании человека. Тогда модусная составляющая события превалирует над диктумной.

В нарративном тексте события образуют цепь, значимость которых различна и определяется модусной составляющей.

Способы погашения событийности в тексте разнообразны:

- а) отказ от акциональности (например, выбор качественного предиката);
- б) отказ от завершенности (интерпретация предиката как процесса или деятельности);
- в) разрыв причинно-следственной цепи или отказ от нее;
- г) «модусное подавление» — отказ ситуации в значимости со стороны персонажа или субъекта речи.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 33–160.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
3. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1972. С. 7–85.
4. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.
6. Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1948. Т. 7. Вып. 4. С. 303–316.
7. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
8. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
9. Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М., 1972. С. 86–157.
10. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
11. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). М., 1981.

Динамика диалога в художественном тексте

Г. Г. Хисамова

Башкирский государственный университет (Уфа)

kafedrarf@mail.ru.

Диалог, функция, речевое поведение, персонаж

Summary. A literary dialogue is an open system, which is movable. The report is devoted to revealing the functions of the dialogue in a literary text.

Диалог как основная и естественная форма общения представляет собой динамическую структуру, которая определяется прежде всего его коммуникативной сущностью. Типология явлений речевой коммуникации исследуется преимущественно на материале спонтанного диалога, но данное явление может исследоваться и на материале художественного диалога. Описание динамической структуры диалога в художественном тексте предполагает прежде всего определение особенностей его функционирования.

Одним из крупнейших мастеров художественного отображения и осмысления межличностного общения является В. М. Шукшин. В его произведениях глубоко и правдиво раскрывается своеобразие характера русского человека. Диалог является наиболее распространенной формой общения литературных героев В. М. Шукшина и имеет в структуре рассказов писателя неизмеримо больший удельный вес, занимая почти все пространство рассказов («Сны матери», «Вянет, пропадает», «Демагоги», «Экзамен», «В профиль и анфас» и др.). Он выполняет следующие функции: 1) эстетико-коммуникативную; 2) сюжетообразующую; 3) характерологическую; 4) оценочную. Данные функции взаи-

мосвязаны и взаимообусловлены. Их невозможно описывать изолированно друг от друга.

Рассмотрим особенности функционирования диалога в рассказе В. М. Шукшина «Вечно недовольный Яковлев».

Своеобразие шукшинского подхода к действительности состоит в том, что в его рассказах показано многообразие людей, моделей человеческого поведения в различных жизненных ситуациях. В основе рассказов писателя — житейская ситуация, которая становится центром повествования или служит толчком к развитию сюжета.

Герой рассказа Яковлев — сварщик, немало в городе «заколачивает». Вот он приехал в отпуск в родную деревню и, «как ястреб», прицеливается, кого бы «клонуть». У нового клуба Яковлев стоит в ожидании концерта. Он напряжен. Хотя люди узнают Яковлева, но к нему никто не подходит.

Вдруг напряженное лицо Яковлева озаряется подобием улыбки: под ручку с супругой идет друг детства Серега Коноплев. Действие, самораскрытие образов развивается в диалоге. Происходит «сшибка» характеров, которая порождает перипетии, неожиданные повороты в речевом и неречевом поведении героев. Сергей вежлив, представляет супругу:

— Это Галя, жена, — все улыбался Сергей. — А это друг детства... А я слышал, что приехал, а зайти... как-то все время...

— Зря церкву-то сломали, — сказал вдруг Яковлев ни с того ни с сего.

Сергей в недоумении, но не показывает виду, старается быть деликатным, спокойным:

— Вот... самодетельность сегодня... — продолжал Сергей. — Поглядим.

— Чего там глядеть-то?

— Как же? Спляшут, спюют. Ну, как жизнь?

Яковлева вконец обозлило, что этот унылый меринок стоит дыбится... И его же еще и спрашивает: «Как жизнь?»

Далее Яковлев провоцирует ссору, оскорбляя Сергея и его жену:

— Ты все такой же, — сказал Сергей, откровенно и нехорошо улыбаясь. Он терял терпение. — Сам воняешь ездешь по свету, а на других сваливаешь. Нигде не нравится, да?

— А тебе нравится?

— Мне нравится.

— Ну и радуйся, со своей пучеглазой. Сколько уже настрогали?

— Сколько настрогали — все наши. Но если ты еще раз, падали кусок, так скажешь, я... могу измять твой дорогой костюм. — Глаза Сергея смотрели зло и серьезно.

Контакт для Яковлева с другим человеком возможен только в форме конфликта. Только конфликтная ситуация становится ему интересной:

Яковлев не то что встревожился, а как-то встрепенулся; ему враз интересно сделалось.

— О-о, — сказал с облегчением. — По-человечески хоть заговорил. А то — под ру-учку идут... дурак, смотреть же стыдно. Кто час под ручку ходит!

Зримость, слышимость действия осуществляется через диалог. В интонации диалога характерная манера речи: ехидца в голосе, подковыривание, ироничное растягивание ударного слова (*А то — под ру-учку идут...*). Оскорбительные высказывания Яковлева приводят к скандалу, драке.

Яковлев, будучи языковой личностью конфликтного типа, проявляет себя как вербальный агрессор. Только в крике и в драке повышается его жизненный тонус. Он навязывает свою линию поведения в диалогах с сельскими мужиками, с Сергеем Коноплевым, используя неприемлемую, враждебную тональность общения. Им избирается тактика издевки, оскорблений.

В рассказе диалог как форма чужой речи дает возможность представить несколько оценочных позиций. Яковлев дан в освещении нескольких точек зрения: автора, с одной стороны, и действующих персонажей произведения, с другой. Оценки автора и действующих лиц совпадают: для них Яковлев — злой, конфликтный человек. Авторская позиция выражена в ремарках диалога (*спросил он ехидно; Яковлев все больше и больше злился на этого чухонца; зло и задумчиво сощурился; Сергей уловил недоброе в голосе бывшего друга*). Оценочная позиция бывших односельчан Яковлева представлена в скрытом диалоге. *Еще немного постояли, глядя вслед Яковлеву... Повспоминали, какой он тогда был — всегда был такой. Они все, Яковлевы, такие: вечно недобольные, вечно кулаки на кого-нибудь сучат...* Таким образом, динамика диалога в художественном тексте проявляется в том, что его характеризует полифункциональность.